

Данте Алигьери

Божественная комедия

Ад

Предисловие

Прошло более десяти лет с тех пор, как я впервые решился испытать свои силы в переводе *Divina Commedia* Данта Алигиери. Вначале я не имел намерения переводить ее вполне; но только в виде опыта перелагал на русский язык те места, которые, при чтении бессмертной поэмы, наиболее поражали меня своим величием. Мало-помалу, однако ж, по мере изучения *Divina Commedia*, и чувствуя, что был в силах преодолеть, по крайней мере отчасти, одну из важнейших преград в трудном деле — размер подлинника, я успел в течении двух лет окончить перевод первой части Дантовой Поэмы — Ада. Более нежели кто-нибудь сознавая всю слабость моего труда, я долго скрывал его под спудом, пока наконец ободрительные суждения друзей моих, которым читал я отрывки из своего перевода, а еще более необыкновенно-лестный отзыв г. профессора С. П. Шевырева заставили меня в 1841 г. в первый раз представить на суд публики с V песнию Ада, помещенною в том же году в Москвитяине. После

того я напечатал еще отрывок в Современнике, издававшемся г. Плетневым, и наконец, в 1849 году, XXI и XXII песни в Москвитянине.

Убедившись, что труд мой не совсем ничтожен и если не имеет в себе никаких особенных достоинств, то по крайней мере довольно близок к подлиннику, я теперь решаюсь вполне представить его на суд любителей и знатоков такого колоссального творения, какова *Divna Commedia* Данта Алигиери.

Считаю нужным сказать несколько слов о самом издании моего перевода.

Такой поэт, как Данте, отразивший в своем создании, как в зеркале, все идеи и верования своего времени, исполненный стольких отношений ко всем отраслям тогдашнего знания, не может быть понятен без объяснения множества намеков, в его поэме встречающихся: намеков исторических, богословских, философских, астрономических и т. д. Потому все лучшие издания Дантовой Поэмы, даже в Италии, и особенно в Германии, где изучение Данта сделалось почти всеобщим, всегда сопровождаются комментарием более или менее многосторонним. Но составление комментария дело чрезвычайно трудное: кроме глубокого изучения самого поэта, его языка, его воззрений на мир и человечество, оно требует основательного знания истории века, этого в высшей степени

замечательного времени, когда возникла страшная борьба идей, борьба между духовною и светскою властью. Кроме того, Данте есть поэт мистический; основную идею его поэмы различные комментаторы и переводчики понимают и объясняют различно.

Не имея столько обширных сведений, не изучив поэта до такой глубины, я никак не беру на себя обязанности, передавая слабую копию с бессмертного оригинала, быть в то же время и его истолкователем. Я ограничусь присоединением только тех объяснений, без которых читатель не знаток не в силах уразуметь создание в высшей степени самобытное, и, следственно, не в состоянии наслаждаться его красотами. Объяснения эти будут состоять большею частью в указаниях исторических, географических и некоторых других, касающихся до науки того времени, особенно астрономии, физики и натуральной истории. Главными руководителями в этом деле мне будут немецкие переводчики и толкователи: Карл Витте, Вагнер, Каннегиссер и в особенности Копишь и Филалетес (принц Иоанн Саксонский). Где нужно, я буду делать цитаты из Библии, сличая их с Вульгатою — источником, из которого Данте черпал так обильно. Что касается до мистицизма Поэмы Дантовой, я приведу по возможности кратко только те объяснения, которые наиболее приняты,

не вдаваясь ни в какие собственные предположения.

Наконец, большей части изданий и переводов Данта обыкновенно предшествуют жизнь поэта и история его времени. Как ни важны эти пособия для ясного уразумения дивно таинственного творения, я не могу в настоящее время присоединить их к изданию моего перевода; впрочем не отказываюсь и от этого труда, если бы интерес, возбужденный моим переводом, потребовал его от меня.

Вполне счастливым почту себя, если мой перевод, как ни бесцветен он перед недостигаемыми красотами подлинника, хотя на столько удержит за собою отблеск его величия, что в читателе, не наслаждавшемся красотами *Divina Commedia* в подлиннике, возбудит желание изучить ее в оригинале. Изучение же Данта для людей, любящих и постигающих изящное и великое, доставляет такое же наслаждение, как и чтение других поэтов-гениев: Гомера, Эсхила, Шекспира и Гёте.

Предоставляю судить людям, более меня сведущим, умел ли я удержать в моем переводе хотя слабую искру того божественного огня, которым освещено гигантское здание, — та поэма, которую так удачно сравнил Филалетес с готическим собором, фантастически-причудливым в подробностях, дивно-прекрасным, величаво-торжественным в целом. Не страшусь

строгого приговора ученой критики, уевшая себя мыслью, что я первый решился переложить размером подлинника часть бессмертного творения на русский язык, так способный к воспроизведению всего великого. Но ужасаясь мысли, что дерзким подвигом оскорбил тень поэта, обращаюсь к ней его же словами:

Vagliami 'l lungo studio e 'l grande amore,
Che m'han fatto cercar lo tuo volume.

Inf. Cant I, 83–84.

Песнь I

Содержание. Уклонившись в глубоком сне с прямой дороги, Данте пробуждается в темном лесу, при слабом мерцании месяца идет далее и, перед дневным рассветом, достигает подошвы холма, которого вершина освещена восходящим солнцем. Отдохнув от усталости, поэт восходит на холм; но три чудовища — Барс с пестрою шкурою, голодный Лев и тощая Волчица, преграждают ему дорогу. Последняя до того устрашает Данта, что он уже готов возвратиться в лес, как внезапно появляется тень Вергилия. Данте умоляет ее о помощи. Вергилий, в утешение ему, предсказывает, что Волчица,

там его испугавшая, скоро погибнет от Пса, и, для выведения его из темного леса, предлагает ему себя в вожатые в странствии его через Ад и Чистилище, прибавляя, что если он пожелает взойти потом на Небо, то найдет себе вожатую, стократ его достойнейшую. Данте принимает его предложение и следует за ним.

1. В середине нашей жизненной дороги,¹ Объятый сном, я в темный лес вступил,²

¹ По словам монаха Гилария, Данте начал писать свою поэму по латыне. Первые три стиха были следующие:

Ultima regna canam, fluido contermina mundo,
Spiritus quae lata patent, quae praemia solvunt
Pro meritis cuicunque suis (data lege tonantis). —

«In dimidio dierum meorum vadam ad portas inferi.» Vulgat. Biblia.

В середине н. ж. дороги, т. е. на 35 году жизни, — возраст, который Данте в своем *Convito* называет вершиною человеческой жизни. По общему мнению, Данте родился в 1265: стало быть, 35 лет ему было в 1300 г.; но, сверх того, из XXI песни Ада видно, что Данте предполагает начало своего странствия в 1300, во время юбилея, объявленного папою Бонифацием VIII, на страстной неделе в великую пятницу, — в год, когда ему сравнялось 35 лет, хотя его поэма написана гораздо позже; потому все происшествия, случившиеся позже этого года, приводятся как предсказания.

² *Темный лес*, по обыкновенному толкованию почти всех комментаторов, означает человеческую жизнь вообще, а в отношении к поэту — его собственную жизнь в особенности, т. е. жизнь, исполненную заблуждений, обуреваемую страстями. Другие под именем леса разумеют политическое состояние Флоренции того времени, (которую Данте называет *trista selva*, Чист. XIV, 64), и, соединяя все символы этой мистической песни во едино, дают ей политическое значение. Вот напр. как граф Пертикари (Apolog. di Dante. Vol. II, p. 2: fec. 38: 386 della Proposta) объясняет эту песнь: в 1300 г., на 35 году жизни, Данте, избранный в приоры Флоренции, скоро убедился среди смут, интриг и неистовств партий, что истинный путь к общественному благу потерян, и что сам он находится в *темном лесу* бедствия и изгнания. Когда же он пытался взойти на *холмы*, вершину государственного счастья, ему представились непреодолимые препятствия со стороны родного его города (*Барса с пестрою шкурою*), гордости и честолюбия французского короля Филиппа Прекрасного и брата его Карла Валуа (*Льва*), и корысти и честолюбивых замыслов папы Бонифация VIII (*Волчицы*). Тогда, предавшись своему поэтическому влечению и возложив всю надежду на воинские дарования Карла Великого, сеньора веронского (*Пса*), написал он свою поэму, где, при содействии духовного созерцания (*donna gentile*), небесного просветления (*Лучии*) и богословия (*Беатриче*), руководимый разумом, мудростью человеческою, олицетворенною в поэзии (*Виргилием*), проходить он места наказания, очищения и награды, наказуя таким образом пороки, утешая и исправляя слабости и награждая добродетель погружением в созерцание высшего блага. Из этого видно, что конечная цель поэмы — призвать нацию порочную, раздираемую раздорами, к единству

Путь истинный утратив в час тревоги.

4. Ах! тяжело сказать, как страшен был
Сей лес, столь дикий, столь густой и лютой,³
Что в мыслях он мой страх возобновил.⁴

7. И смерть лишь малым горше этой смуты!⁵
Но чтоб сказать о благодати небес,

политическому, нравственному и религиозному.

³ *Лютой* — эпитет не свойственный лесу; но как лес имеет здесь значение мистическое и означает, по одним, жизнь человеческую, по другим — Флоренцию, волнуемую раздорами партий, то это выражение, думаю, не совсем покажется неуместным.

⁴ Данте избежал этой жизни, исполненной страстей и заблуждений, особенно раздоров партии, в которые он должен был вдаться как правитель Флоренции; но жизнь эта была так ужасна, что воспоминание об ней снова рождает в нем ужас.

⁵ В подлиннике: «Так горек он (лес), что смерть немногим боле.» — Вечно-горький мир (*Io mondo senia fine amaro*) есть ад (Рая XVII. 112). — «Как вещественная смерть уничтожает наше земное существование, так смерть нравственная лишает нас ясного сознания, свободного проявления нашей воли, а потому нравственная смерть немного лучше самой смерти вещественной». Штрекфусс.

Все расскажу, что видел в те минуты.⁶

10. И сам не знаю, как вошел я в лес:
В такой глубокий сон я погрузился⁷
В тот миг, когда путь истинный исчез.

13. Когда ж вблизи холма я пробудился,⁸
Где той юдоли положен предел,⁹

⁶ О тех видениях, о которых говорит поэт от 31–64 стиха.

⁷ *Сон* означает, с одной стороны, человеческую слабость, потемнение внутреннего света, недостаток самопознания, одним словом — усыпление духа; с другой стороны — сон есть переход к духовному миру (См. Ада III, 136).

⁸ *Холм*, по объяснению большей части комментаторов, означает добродетель, по другим восхождение к высшему благу. В подлиннике Данте пробуждается у подошвы холма; *подошва холма* — начало спасения, та минута, когда в душе нашей возникает спасительное сомнение, роковая мысль, что путь, по которому мы шли до этой минуты, ложен.

⁹ *Пределы юдоли*. Юдоль есть временное поприще жизни, которое мы обыкновенно называем юдолию слез и бедствий. Из XX песни Ада, ст. 127–130, видно, что в этой юдоли путеводным светом поэту служило мерцание месяца. Месяц означает слабый свет человеческой мудрости. Копишь.

В которой ужас в сердце мне вселился, —

16. Я, вверх взглянув, главу холма узрел
В лучах планеты, что прямой дорогой¹⁰
Ведет людей к свершенью добрых дел.

19. Тогда на время смолк мой страх, так
много.

Над морем сердца бушевавший в ночь,
Что протекла с толикою тревогой.¹¹

22. И как успевши бурю превозмочь,
Ступив чуть дышащий на брег из моря,
С опасных волн очей не сводит прочь:

¹⁰ Планета, ведущая людей прямой дорогой, есть солнце, которое, по системе Птоломеевой, принадлежит к планетам. Солнце имеет здесь не только значение материального светила, но, в противоположность месяцу (философия), есть полное, непосредственное познание, божественное вдохновение. Копишь.

¹¹ Даже отблеск божественного познания уже в состоянии уменьшить в нас отчасти ложный страх земной юдоли; но вполне он исчезает только тогда, как мы совершенно исполнима страхом Господним, как Беатриче (Ада II, 82–93). Копишь.

25. Так я, в душе еще со страхом споря,
Взглянул назад и взор впери́л туда,¹²
Где из живых никто не шел без горя.

28. И отдохнув в пустыне от труда,
Я вновь пошел, и мой оплот опорный
В ноге, стоящей ниже, был всегда.¹³

31. И вот, почти в начале крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барс и легкий и проворный.¹⁴

¹² Т. е. взглянул в темный лес и эту юдоль бедствий, в которой оставаться значить умереть нравственно.

¹³ При восхождении, нога, на которую мы опираемся, всегда стоит ниже. «Восходя от низшего к высшему, мы подаемся вперед медленно, только шаг за шагом, только тогда, как твердо и верно встанем на низшее: восхождение духовное подлежит тем же законам, как и телесное.» Штрекфусс.

¹⁴ Барс (uncia, leuncia, lynx, catus pardus Окена), по толкованию старинных комментаторов, означает сладострастие, Лев — гордость или властолюбие, Волчица — корысть и скупость; другие, особенно новейшие, видят в Барсе Флоренцию и Гвельфов, во Льве — Францию и в особенности Карла Валуа, в Волчице — папу или римскую курию, и, согласно с этим, дают всей первой песни смысл чисто-политический. По объяснению Каннегиссера, Барс, Лев

34. Чудовище не убегало с глаз;
Но до того мне путь мой преграждало,
Что вниз сбежать я помышлял не раз.
37. Уж день светал, и солнце в путь вступало
С толпою звезд, как в миг, когда оно
Вдруг от любви божественной прияло

40. Свой первый ход, красой озарено;¹⁵

и Волчица означают три степени чувственности, нравственной порчи людей: Барс есть пробуждающаяся чувственность, на что указывают его быстрота и проворство, пестрая шкура и неотвязчивость; Лев есть чувственность уже пробудившаяся, преобладающая и не скрываемая, требующая удовлетворения: потому он изображен с величавою (в подлиннике: поднятой) головою, голодный, злой до того, что воздух вокруг него содрогается; наконец, Волчица — образ тех, которые вполне предались греху, почему и сказано, что она многим уже была отравой жизни, потому и Данта она совершенно лишает спокойствия и всечасно более и более вгоняет в юдоль нравственной смерти.

¹⁵ В этой терцине определяется время странствия поэта. Оно, как сказано выше, началось в великую пятницу на страстной неделе, или 25 марта: стало быть, около весеннего равноденствия. Впрочем, Филалетес, основываясь на XXI песни Ада, полагает, что странствие свое Данте начал 4 апреля. — *Божественная любовь*, по представлению Данта, есть причина движения тел небесных. — *Толпою звезд* обозначается созвездие Овна, в которое в это время вступает

И все надеждою тогда мне льстило:
Животного роскошное руно,

43. Час утренний и юное светило.¹⁶
Но снова страх мне в сердце пробудил
Свирепый Лев, представший с гордой
силой.¹⁷

46. Он на меня, казалось, выходил,
Голодный, злой, с главою величавой,
И, мнилось, воздух в трепет приводил.

солнце.

¹⁶ Поэт, оживленный сиянием солнца и временем года (весною), надеется умертвить Барса и похитить его пеструю шкуру. Если Барс означает Флоренцию, то спокойное состояние этого города весною 1300 г., когда партии Белых и Черных находились между собою в совершенном, по-видимому, согласии, действительно могло родить в поверхностном наблюдателе событий некоторую надежду на продолжительность мира. Но это спокойствие было только кажущееся.

¹⁷ Как символ Франция, которая «потемняет весь христианский мир» (Чист. XX, 44), Лев представляет здесь насилие, ужасающую вещественную силу.

49. Он шел с Волчицей, тощей и лукавой,¹⁸
Что, в худобе полна желаний всех,
Для многих в жизни сей была отравой.

52. Она являла столько мне помех,
Что, уstraшен наружностью суровой,
Терял надежду я взойти наверх.

55. И как скупец, копить всегда готовый,
Когда придет утраты страшный час,
Грустит и плачет с каждой мыслью новой:

58. Так зверь во мне спокойствие потряс,
И, идя мне на встречу, гнал всечасно
Меня в тот край, где солнца луч угас.

61. Пока стремглав я падал в мрак ужасный,
Глазам моим предстал нежданный друг,
От долгого молчания безгласный.¹⁹

¹⁸ Волка Писания Данте превратил в волчицу (*lupa*) и тем еще жестче очертил алчность римской курии (если ее должно разуметь под именем Волчицы), ибо *lupa* в латинском языке имеет еще другое значение. Вся поэма Данта направлена против римской курии (Ада VII, 33 и след., XIX, 1–6 и 90–117, XXVII, 70 и след.; Чист. XVI, 100 и дал., XIX, 97 и д., XXXII, 103–160; Рая IX, 125 и д., XII, 88 и д., XV, 142, XVII, 50 и д., XVIII, 118–136, XXI, 125–142, XXII, 76, и д., XXVII, 19–126).

64. «Помилуй ты меня!» вскричал я вдруг,²⁰
Когда узрел его в пустынном поле,
«О кто б ты ни был: человек, иль дух?»

67. И он: «Я дух, не человек я боле;
Родителей Ломбардцев я имел,²¹
Но в Мантуе рожденных в бедной доле.

70. *Sub Julio* я поздно свет узрел,²²

¹⁹ *Безгласный*, в подлиннике: *fioso*, охрипый. Это искусный намек на равнодушие современников Данта к изучению творений Вергилия.

²⁰ В подлиннике: *Miserere de me*, и есть воззвание не к одному Вергилию, но и к божественной благодати. У подошвы горы Чистилища души насильственно убиенных поют то же. (Чист. V, 24.)

²¹ 68. Вергилий родился в местечке Андес, нынешней деревушке Банде, иначе Пьетоле, близ Мантуи, на Минчио. Отец его, по одним известиям, был земледелец, по другим — горшечник.

²² Он родился в 684 г. от постр. Рама, за 70 лет до Р. Х., при консулах М. Лициние Крассе и Кн. Помпее Великом, в октябрьские иды, что, по нынешнему календарю, соответствует 15 октября. — Вергилий, поэт Римской

И в Риме жил в век Августов счастливый;
Во дни богов в лжеверье я коснел.²³

73. Я был поэт, и мной воспет правдивый
Анхизов сын, воздвигший новый град,
Когда сожжен был Илион кичливый.

76. Но ты зачем бежишь в сей мрак назад?
Что не спешишь на радостные горы,
К началу и причине всех отрад?²⁴»

империи (*princeps poetarum*), говоря, что он родился при Юлии Цезаре, хочет этим прославить имя его: на Цезаря Данте смотрит как на представителя Римской империи; изменившие Цезарю, Брут и Кассий, наказуются у него жестокою казнью (Ада XXXGV, 55–67). — *Sub Julio* есть одно из тех латинских выражений, которых так много встречается в поэме Данта, по общему обыкновению не только поэтов, и прозаиков того времени.

²³ Этими словами Virgilий, кажется, хочет оправдаться в своем язычестве.

²⁴ Virgilий спрашивает, почему Данте, будучи христианином, не спешит на путь истинный, ведущий на счастливую гору или холм? — Данте, не отвечав ему на это, изливается одушевленною похвалою поэту. Этим, кажется, выражено желание поэта, испытавшего скорби жизни, найти утешение в поэзии.

79. — «О, ты ль Virgiliy, тот поток, который
Рекой широкой катит волны слов?»

Я отвечал, склонив стыдливо взоры.²⁵

82. «О дивный свет, о честь других певцов!
Будь благ ко мне за долгое ученье
И за любовь к красе твоих стихов.

85. Ты автор мой, наставник в песнопенье;
Ты был один, у коего я взял
Прекрасный стиль, снискавший мне
хваленье.²⁶

²⁵ Virgiliy в средние века был в большом уважении: простой народ смотрел на него как на чародея и прорицателя, энтузиасты как на полухристианина, чему поводом служила, кроме славы его, перешедшей от древности, его знаменитая четвертая эклога. Он был любимый поэт Данта, долго научавшего и ценившего его необыкновенно высоко, как видно из многих мест его поэмы. Впрочем, Дантов Virgiliy есть не только любимый его поэт, но и символ человеческой мудрости, знания, вообще философии, в противоположность Беатриче, которая, как мы увидим в своем месте, олицетворяет собою мудрость божественную — Богословие.

²⁶ Т. е. стиль итальянский. Данте уже прославился своею Vita Nuova и стихотворениями (Rime).

88. Взгляни: вот зверь, пред ним же я бежал....
Спаси меня, о мудрый, в сей долине....
Он в жилах, в сердце кровь мне взволновал.

91. — «Держать ты должен путь другой
отныне,»

Он отвечал, увидев скорбь мою,
«Коль умереть не хочешь здесь в пустыне.

94. Сей лютый зверь, смутивший грудь твою,
В пути своем других не пропускает,
Но, путь пресекши, губит всех в бою.

97. И свойством он столь вредным обладает,
Что, в алчности ничем не утолен,
Вслед за едой еще сильней толкает.

100. Он с множеством животных сопряжен,
И с многими еще совокупится;
Но близок Пес, пред кем издохнет он.²⁷

²⁷ Под именем Пса (в подлиннике: борзаго — *veltro*) большая часть комментаторов понимают Кана Гранде (Великого) делла Скала, властителя Вероны, благородного юношу, оплот Гибеллинов и впоследствии представителя Императора в Италии, на которого Данте и его партия возлагали большие надежды, но который в то время, как надежды Данта начали осуществляться, скончался в 1329 на

103. Не медь с землей Псу в пищу
обратится,²⁸
Но добродетель, мудрость и любовь;
Меж Фельтро и меж Фельтро Пес родится.²⁹

40 г. жизни. Но так как Кан родился в 1290, а в 1300, в год странствия Данта в замогильном мире, был 10 лет, то должно думать, что Данте это предсказание об нем вставил впоследствии, или совершенно переделал начало поэмы. *Troya* (*Veltro allegorico di Dante. Fir. 1826*) в этом Псе видят Угуччионе делла Фаджиола, предводителя войск Кановых, того самого, которому он посвятил свой Ад (Кану посвящен Рай), и который еще ранее 1300 и до 1308, когда Кан был еще малолетен, восстал за Гибеллинов в Романья и Тоскане против Гвельфов и светской власти пап. Как бы то ни было, Данте скрыл ими того, кого должно разуместь под символом Пса: может быть, состояние политических дел того времени требовало этого.

²⁸ Медь здесь употреблена вместо металла вообще, как в подлиннике: *peltro* (по Лат. *peltrum*), смесь олова с серебром, вместо серебра или золота. Смысл тот: он не прельстится приобретением владений (земли), или богатств, но добродетелью, мудростью и любовью.

²⁹ *Меж Фельтро и меж Фельтро.* Если разуместь под именем Пса Кана Великого, то этим стихом определяются его владения: вся Марка Тривиджиана, где находится город Фельтре, и вся Романья, где гора Фельтре: стало быть, вся Ломбардия.

106. Италию рабу спасет он вновь,³⁰
В честь коей дева умерла Камилла,
Турн, Эвриад и Низ пролили кровь.

109. Из града в град помчит Волчицу сила,
Доколь ее не заключит в аду,
Откуда зависть в мир ее пустила.³¹

113. Так верь же мне не к своему вреду:
Иди за мною; в область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.

115. Услышишь скорбь отчаянную, злую;³²
Сонм древних душ увидишь в той стране,

³⁰ В подлиннике: *umile Italia*. Кажется, Данте подражал здесь Вергилию, который в 3 песни Энеиды сказал: *humilemque videmus Italiam*.

³¹ «*Invidia autem diaboli mors introivit in orbem terrarum.*»
Vulg.

³² Души великих мужей древности, содержащиеся, по понятиям Католической Церкви, в преддверии Ада или Лимбе и не спасенные крещением. Они умерли телом, но желают второй смерти, т. е. уничтожения души.

Вотще зовущих смерть себе вторую.

118. Узришь и тих, которые в огне³³
Живут надеждою, что к эмпирею
Когда-нибудь взнесутся и они.

121. Но в эмпиреи я ввести тебя не смею:
Там есть душа достойнее стократ;³⁴
Я, разлучась, тебя оставлю с нею.

124. Зане Монарх, чью власть как супостат³⁵
Я не познал, мне ныне воспрещает
Ввести тебя в Его священный град.³⁶

³³ Души в Чистилище.

³⁴ Намек на Беатриче, являющуюся Данту в земном раю (Чист. XXX) и ведущую его на небо.

³⁵ В подлиннике: Imperadore. Император, как высший судья на земле, поэту кажется достойнейшим подобием Высшего Судьи на небе.

³⁶ Бог не хочет, чтобы разумом человеческим (Виргилием) достигали высшего небесного блаженства, которое есть дар свыше. Копишь.

127. Он Царь везде, но там Он управляет:³⁷
Там град Его и неприступный свет;
О счастлив тот, кто в град Его вступает!»

130. И я: «Молю я сам тебя, поэт,
Тем Господом, Его ж ты не прославил, —
Да избегу и сих и горших бед,³⁸ —

133. Веди в тот край, куда ты путь направил:
И вознесусь к вратам Петра святым,³⁹
И тех узрю, чью скорбь ты мне представил».

136. Здесь он пошел, и я во след за ним.

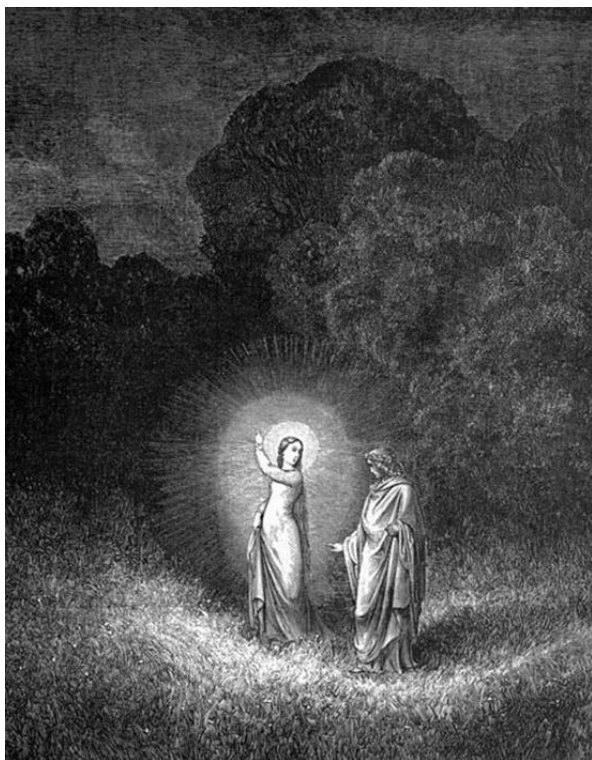
Песнь II

³⁷ По представлению Данта, могущество Божье господствует всюду, но престол Его в высшем небе (эмпирее), в котором другие девять кругов неба вращаются около земли, составляющей, согласно с системой Птолемея, средоточие вселенной.

³⁸ Горших бед, т. е. ада, чрез который я пойду.

³⁹ Святые врата Петровы — врата, описанные в Чист. IX, 76. Скорбящие — обитатели ада.

Содержание. Наступает вечер. Данте, призвав муз в помощь, повествует, как в самом начале странствия родилось сомнение в душе его: достаточно ли в нем сил для смелого подвига. Вергилий укоряет Данта за малодушие и, ободряя на подвиг, объясняет ему причину своего пришествия: как, в преддверии ада, явилась ему Беатриче и как умоляла его спасти погибавшего. Ободренный этой вестью, Данте воспринимает свое первое намерение, и оба странника шествуют в предназначенный путь.

1. День отходил и сумрак пал в долины,⁴⁰
Всем на земле дозволив отдохнуть

⁴⁰ Вечер 25 Марта, или, по Филалетесу, 8 Апреля.

От их трудов; лишь я один единый

4. Готовился на брань — в опасный путь,
На труд, на скорбь, о чем рассказ правдивый
Из памяти дерзаю почерпнуть.

7. О высший дух, о музы, к вам призывы!
О гений, все, что зрел я, опиши,
Да явится полет твой горделивый!

10. Я начал так: «Всю мощь моей души
Сперва измерь, поэт-путеводитель;
Потом со мной в отважный путь спешి.⁴¹

13. Ты говорил, что Сильвиев родитель,⁴²
Еще живой и тленный, низходил
Свидетелем в подземную обитель.

⁴¹ В колебаниях разума проходит целый день; наступает ночь и с нею новые сомнения: решимость, возбужденная разумом, исчезла, а вера колеблется. Данте спрашивает себя: способен ли он свершить отважный подвиг?

⁴² Эней, сын Венеры и Анхиза, отец Сильвия от Лавинии, руководимый Сивиллою кумскою, нисходил в тартар (Энеиды VI) для того, чтобы узнать от тени отца своего, Анхиза, каким образом он возможет одержать победу над Турном, царем Рутулов.

16. Но если жребий так ему судил,
То вспомнив, сколько приобрел он славы
И кто сей муж я как правдив он был, —

19. Почтет его достойным разум здравый:
Он избран был, чтоб некогда создать
Великий Рим и быть отцом державы, —

22. Державы той, где — подлинно сказать —

*43

Престол священный сам Господь поставил
Наместникам Петровым восседать.

25. В сем странствии — ты им его
прославил —

Узнал он путь к победе над врагом
И тем тиару папам предоставил.

28.....

.....

.....

43 *Подлинно сказать* — намек на то, что дух
гибеллинский побуждает его скрыть истину, или сказать
противное. Лонбарди.

31. Но мне ль идти? кто дал мне позволение?

34. И так, коль дерзкий подвиг сотворю,
Страшусь, в безумие он мне вменится.
Мудрец, ясней поймешь, чем говорю».

37. Как тот, кто хочет, но начат страшится,
Полн новых дум, меняет замысл свой,
Отвергнув то, на что хотел решиться:

40. Так я томился в мрачной дебри той,
И мысль свою, обдумав, кинул снова,
Хоть предан был вначале ей одной.

43. «Коль я проник вполне в значение слова,»
Великодушного сказала тень,
«Твоя душа познать боязнь готова.

46. Боязнь людей отводит каждый день
От честных подвигов, как призрак ложный
Страшит коня, когда ложится тень.

49. Но выслушай — и страх рассея
тревожный, —
Что моего пришествия вина
И что открыл мне жребий непреложный.

52. Я с теми был, чья участь не полна;⁴⁴
Там, слыша голос Вестницы прекрасной,⁴⁵
Я спросил: что повелит она?

55. Светлей звезды в очах горел луч ясный,⁴⁶
И тихим, стройным языком в ответ
Она рекла как ангел сладкогласный:

⁴⁴ Т. е. в Лимбе, где помещены великие мужи древности (см. прим. к Ад. I, 115). — *Чья участь не полна*, в подлиннике: *che son sospesi*. Язычники, заключенные в Лимбе, остаются в сомнении на счет окончательной своей участи; они находятся в среднем состоянии между мукой и блаженством и ждут страшного суда (Ада IV, 31–45, и Чист. III, 40 и д.).

⁴⁵ *Вестница прекрасная* (в подл. *donna beata e bella*) — Беатриче, символ божественного учения, богословия (см. ниже ст. 70, примеч.). — «Божественное учение нисходит к томящемуся, некогда Бога не послушавшему человеческому разуму для того, чтобы он исполнил истинное свое назначение — руководить человеком.» Копишь.

⁴⁶ Под именем *звезды* здесь разумеется солнце, названное по преимуществу звездою (Даниелло, Ландино, Веллутено и др.). Небесная мудрость в Библии нередко сравнивается с солнцем; так об ней в Кн. Премудр. VII, 39, сказано: «Есть бо сия благолепнее солнца и паче всякого расположения звезд, свету соравняема обретается первая».

58. «О Мантуи приветливый поэт,
Чья слава свет наполнила далеко
И будет в нем, пока продлится свет!»⁴⁷

61. Любимец мой, но не любимец рока,
Препону встретил на берегу пустом
И вспять бежит испуганный жестоко.

64. И я страшусь: так сбился он на нем,
Что уж не поздно ль я пришла с спасеньем,
Как в небесах была мне весть о том.

67. Подвигнись в путь и мудрым убеждением
Все для его спасенья уготовь:
Избавь его и будь мне утешеньем,

70. Я, Беатриче, умоляю вновь.....⁴⁸

⁴⁷ *Лоха продлится свет.* Я следовал здесь тексту манускриптов нидобеатинскому, библиотек Корсини, Киджи и др., которому следует Ломбарди и Вагнер (Il Parnasso Paliano), где: quanto 'l mondo (в других: moto) lontana*

⁴⁸ *Беатриче*, дочь богатого флорентинского гражданина Фолько Портинари, с которой Данте, еще на 9 году своей жизни, встретился впервые в первый день Мая 1274. По обычаю того времени, первое число Мая праздновалось песнями, плясками и гуляньем. Фольсо Портинари пригласил к себе на праздник своего соседа и друга, Аллигиерио

.....
.....
73. Там, пред моим Владыкой, с состраданьем,
Поэт, я часто похваляюсь тобой». Умолкла тут, я начал я воззваньем

76. «О благодать, которою одной
Наш смертный род превысил все творенья
Под небом, что свершает круг меньшей!⁴⁹

Аллигиери, отца Дантова, со всем семейством. Тогда, во время детских игр, Данте влюбился страстно в восьмилетнюю дочь Фолько Портинари, впрочем так, что Беатриче никогда не узнала о его любви. Таково повествование Боккаччио о любви Данта, — повествование, может быть, несколько украшенное поэтическими вымыслами. Впрочем, Данте и сам рассказал о любви своей в сонетах и канзонах (Rime) и в особенности в своей Vita Nuova. Беатриче, вышедшая впоследствии за муж, скончалась в 1290 на 26 году. Не смотря на то, что чувство первой любви Данте сохранил во всю жизнь, он вскоре по смерти Беатриче женился на Джемме Донати и имел от ней шесть сыновей и одну дочь. Он не был счастлив в супружестве и даже развелся с женою. — Под символом Беатриче, как мы неоднократно говорили, Данте понимает богословие, любимейшую науку его времени, — науку, которую он глубоко изучал в Болоньи, Падове и Париже.

⁴⁹ *Поди небом, что свершает м. круг.* Здесь разумеется луна, которая, принадлежа к планетам в системе птолемеевой,

79. Так сладостны твои мне повеленья,
Что я готов немедля их свершить;
Не повторяй же своего моления.

82. Но объясни: как можешь нисходить
Без трепета в всемирную средину⁵⁰
От горних стран, куда горишь парить?» —

85. — «Когда желаешь знать тому причину,»
Она рекла, «короткий дам ответ,
Почто без страха к вам схожу в пучину.

88. Страшиться должно лишь того, что вред
Наносит нам: какой же страх бесплодный,
Как не боязнь того, в чем страха нет?⁵¹

вращается ближе всех прочих светил к земле и, стало быть, свершает меньший круг (см. примеч. к Ад. I, 127). Смысл тот: человек божественным учением превышает все создания, находящиеся в подлунном мире.

⁵⁰ *Всемирная средина* (в подлиннике: *in queeto centro*). Земля (см. примеч. к Аду I, 127), по Птолемею, находится в середине вселенной. Дантов ад помещается внутри земли, как мы увидим ниже: стало быть, составляет, по его понятиям, настоящий центр всего мира.

⁵¹ Только тогда не ощущаем мы страха не только пред

91. Так создана я благостью Господней,
Что ваша скорбь меня не тяготит
И не вредит мне пламень преисподней.⁵²

94 *Там* некая Заступница скорбит
О том, к кому тебя я посылаю,
И для нее жестокий суд разбит.⁵³

97. Она, воздвигши Лючию....⁵⁴

ужасами земными, но и адскими, когда, как Беатриче, проникнуты мудростью божественной, страхом Господним. (См. примеч. Ад. I, 19–21).

⁵² Хотя Виргилий с прочими добродетельными язычниками не наказуется никакими муками и хотя в Лимбе нет адского огня, тем не менее, слова Беатриче верны, потому что Лимб все-таки есть часть ада.

⁵³ *Жестокий суди* (в подлиннике: *duro giudicio*). Поэт имел в виду: «*Judicium durissimum iis, qui praesunt, fiet*» Sapient IV, 6.

⁵⁴ *Лючия* (от *lux*, свет), как мученица католической церкви, призывается на помощь теми, которые страдают телесными очами. Это, кажется, заставило Данте избрать ее предпочтительно для той роли, которую она играет в его поэме. Об ней упоминается в Чист. IX, 55, и Рае, XXVII.

Рекла: Твой верный ждет тебя в слезах,
И я отсель его тебе вверяю.

100. И Лючия, жестокосердых враг,
Подвигшись, мне вещала там, где вечно
С Рахилью древней воссежу в лучах:⁵⁵

103. «О Беатриче, гимн Творцу сердечный!
Спаси того, кто так тебя любил,
Что для тебя стал чужд толпе беспечной.⁵⁶

106. Не слышишь ли, как плач его уныл?
Не зришь ли смерть, с которой он сразился
В реке, пред ней же океан без сил?

109. Никто так быстро в мире не стремился⁵⁷

⁵⁵ *Рахиль* есть символ жизни созерцательной (Чист. XVХII, 100–108), как сестра ее, *Лия*, — жизни деятельной. — Весьма глубокомысленно помещает Данте учение божественное (Беатриче) возле Рахили, вечно-погруженной в созерцание неизреченного Блага Ландино.

⁵⁶ Любовью к Беатриче Портинари Данте возвысился над толпою, с одной стороны, предавшись поэзии, с другой — изучая богословие, которое олицетворяет собою Беатриче.

⁵⁷ Под именем *реки* (в подлиннике: *fiumana*, водоворот, *gurges*, *aquarum congeries*, Vocab. della Crusca) разумеются

От гибели, иль к выгодам своим,
Как мой полет от слов тех ускорился

112. С скамьи блаженной к пропастям
земным —

Ты дал мне веру мудрыми словами,
И честь тебе и тем, кто внемлет им!»

115. Потом, сказав мне это, со слезами
Взор лучезарный возвела горе,
И я потек быстрее стопы.

118. И, как желала, прибыл к той поре,
Когда сей зверь пресек в пустынном поле
Твой краткий путь к прекрасной той горе.

121. Так что ж? зачем, зачем же медлит боле?
Что на сердце питаешь низкий страх?
Что сделалось с отвагой, с доброй волей....

124.
.....
.....?»

треволнения жизни; бури напастей житейских превосходят
все волнования океана.

127. И как цветочки, стужею ночью
Согбенные, в серебре дневных лучей
Встают, раскрывшись, на ветвях главою:

130. Так я воздвигся доблестью моей;
Столь дивная влилась мне в грудь отвага,
Что начал я, как сбросив груз цепей:

133. «О слава ей, подательнице блага!
О честь тебе, что правым словесам
Уверовал и не замедлил шага!

136. Так сердце мне с желаньем по стопам
Твоим идти возжег ты мудрым словом,
Что к первой мысли возвращаюсь сам.

139. Идем: крепка надежда в сердце новом —
Ты вождь, учитель, ты мой властелин!»
Так я сказал, и под его покровом

142. Нисшел путем лесистым в мрак пучин.

Песнь III

Содержание. Поэты приходят к двери ада. Данте

читает над нею надпись и ужасается; но, ободренный
Виргилием, нисходит вслед за ним в мрачную бездну.
Вздохи, громкий плач и крики оглушают Данта: он
плачет и узнает от вождя своего, что здесь, еще вне
пределов ада, наказуются среди вечного мрака души
людей ничтожных, не действовавших, и трусов, с
которыми смешаны хоры ангелов, не соблюдавших
верность Богу и не принявших стороны Его противника.
Затем поэты приходят к первой адской реке — Ахерону.
Седовласый Харон, кормщик адский, не хочет принять
Данта в свою ладью, говоря, что в ад проникнет он иным
путем, и перевозит на другой берег Ахерона толпу
умерших. Тогда потрясаются берега адской реки,
поднимается вихрь, сверкает молния и Данте падает без
чувств.

1. Здесь мною входят в скорбный град к
мученьям,
Здесь мною входят к муке вековой,
Здесь мною входят к падшим поколениям.

4. Подвинут правдой вечный Зодчий мой:
Господня сила, разум всемогущий
И первые любви дух святой

7. Меня создали прежде твари сущей,
Но после вечных, и мне века нет.

Оставь надежду всяк, сюда идущий!⁵⁸ —

10. В таких словах, имевших темный цвет,
Я надпись зрел над входом в область казни
И рек: «Жесток мне смысл ее, поэт!»

13. И как мудрец, вещал он, полн приязни:
«Здесь места нет сомненьям никаким,
Здесь да умрет вся суетность боязни.

16. Вот край, где мы, как я сказал, узрим
Злосчастный род, утративший душою
Свет разума со благом пресвятым.⁵⁹» —

19. И длань мою приав своей рукою*
Лицом спокойным дух мой ободрил

⁵⁸ Знаменитая надпись над дверью ада. В первых трех стихах выражено учение церкви о бесконечности адских мук, четвертый указывает на причину создания ада — Правосудие Божье. Последний стих выражает всю безнадежность осужденных. — Передать вполне эту дивную надпись во всем ее мрачном величии нет ни какой возможности; после многих тщетных попыток я остановился на этом переводе как на более близком к подлиннику.

⁵⁹ *Свет разума* (в подлинн. *il ben dello 'ntelletto*) есть Бог. Злые утратили познание Бога, единственное благо душ.

И к тайнам пропасти вступил со мною.⁶⁰

22. Там в воздухе без солнца и светил
Грохочат в бездне вздохи, плач и крики,
И я заплакал, лишь туда вступил.

25. Смесь языков, речей ужасных клики,
Порывы гнева, страшной боли стон
И с плеском рук то хриплый глас, то дикий,

28. Рождают гул, и в век кружится он
В пучине, мглой без времени покрытой,
Как прах, когда крутится аквилон.

31. И я, с главою ужасом повитой,⁶¹

⁶⁰ Virgiliy вводит Данта под свод земли, покрывающий, по представлению поэта, огромную воронкообразную пропасть ада. Об архитектуре Дантова ада мы скажем подробнее в своем месте; здесь же заметим только то, что бездна эта, широкая сверху, постепенно суживается к низу. Бока ее состоять из уступов, или кругов, совершенно темных и только по местам освещенных подземным огнем. Самая верхняя окраина ада, непосредственно под сводом земли, его покрывающим, составляет жилище ничтожных, о которых говорит здесь Данте.

⁶¹ *С главою, ужасом повитой.* Я следовал тексту, принятому Вагнером; (*d'orror la testa cinta*; в др. изданиях;

Спросил: «Учитель мой, что слышу я?
Кто сей народ, так горестью убитый?» —

34. И он в ответ: «Казнь гнусная сия
Карает тот печальный род.....

.....
.....62

37. С ним смешаны злых ангелов те хоры,
Что за себя стояли за одних,

d'error la testa cinta (неведением повитой).

62 *Печальный род* (в подлиннике: l'anime triste; tristo имеет значение печального и злого, темного), не заслуживший в жизни ни хулы ни славы, есть несметная толпа людей ничтожных, не действовавших, не отличивших памяти своей ни добрыми ни злыми делами. Потому они вечно останутся незамеченными даже самым правосудием: им нет уничтожения, нет им и суда, от того-то они и завидуют каждой участи. Как, людей не действовавших, никогда не живших, по выражению поэта, мир забыл про них; они не стоят участия; они не стоят даже, чтобы говорили об них. Вечный мрак тяготеет над ними, как над темным лесом в первой песни (слич. также Ада IV, 65–66), который есть верный их представитель. Как в жизни занимали их мелкие заботы, ничтожные страсти и желания, так здесь терзают их бесполезнейшие насекомые — мухи и осы. Кровь, теперь ими в первый раз проливаемая, может служить только в пищу гнусным червям. Копишь и Штрекфусс.

.....
.....
40.

.....
.....
.....»

43. — «Учитель, — я спросил, — какое ж
бремя

Их вынуждает к жалобам таким?» —
И он: «Для них не стану тратить время,

46. Надежда смерти не блесит слепым,
А жизнь слепая так невыносима,
Что участь каждая завидна им,

49. Их в мире след исчез быстрее дыма;
Нет состраданья к ним, их суд презрел,
Что говорят об них? взгляни и — мимо!»

52. И я, взглянувши, зная там узрел:
Оно, бежа, взвивалось так сильно,
Что, мнилось, отдых — не ему в удел.⁶³

⁶³ В число ничтожных Данте помещает и трусов, зная
которых малодушно покинутое ими в жизни, теперь обречено

55. За ним бежал строй мертвых столь
обильный,
Что верить я не мог, чтоб жребий сверг
Такое множество во мрак могильный.

57. И я, узнав там некоторых, вверх
Взглянул и видел тень того, который
Из низости великий дар отверг,⁶⁴

61. Вмиг понял я — в том убеждались

на вечное бегство, столь быстрое, что, кажется, ему никогда не остановиться. — *Не ему в удел* — в подлиннике еще сильнее: *Che d'ogni posa mi pareva indegna* (недостойно никакого покоя).

64 Как ни бесцветна, ни темна жизнь людей, здесь осужденных, Данте узнает между ними некоторых, но кого именно, он не считает достойным говорить. Особенно он указывает на тень кого-то отвергшего великий дар. Комментаторы угадывают в ней то Исава, уступившего брату своему Иакову право первородства; то императора Диоклетиана, который в старости сложил с себя императорское достоинство; то папу Целестина V который, по проискам Бонаифация VIII, отказался в пользу последнего от папской тиары. Наконец некоторые видят здесь робкого согражданина Дантова, Торреджиано деи Черки, приверженца Белых, не поддержавшего своей партии.

взоры —

Что эту чернь.....

.....

.....

64. Презренный род, не живший никогда,
Ногой и бледный, был язвим роями
И мух и ос, слетавшихся туда.

67. По лицам их катилась кровь струями,
И, смешана с потоком слез, в пыли,
У ног, съедалась гнусными червями.

70. И я, напрягши зрение, вдали
Узрел толпу на берегу великой
Реки и молвил: «Вождь, благоволи

73. Мне объяснить: что значить сонм толикой
И что влечет его со всех сторон,
Как вижу я сквозь мрак в долине дикой?» —

76. — «О том узнаешь, — отвечал мне он,
Когда достигнем берега крутова,
Где разлился болотом Ахерон⁶⁵». —

⁶⁵ Ахерон древних Данте помещает на самой верхней окраине воронкообразной пропасти ада в виде стоячего болота.

79. И взор смущенный я потупил снова⁶⁶
И, чтоб вождя не оскорбить, к брегам
Реки я шел, не говоря ни слова.

82. И вот в ладье гребет на встречу нам
Старик суровый с древними власами,⁶⁷
Крича: «О горе, злые, горе вам!

85. Здесь навсегда проститесь с небесами:

⁶⁶ Во всей поэме Данте изображает с необыкновенною нежностью отношение свое к Виргилию как ученика к учителю, достигая почти драматического эффекта.

⁶⁷ *Старик суровый* — Харон, которому Данте в ст. 109 придает вид демона с огненными колесами вокруг очей. Мы увидим ниже, что Данте многие мифические лица древности превратил в бесов: точно так монахи средних веков поступали с древними богами. Мифологические фигуры имеют в Поэме Данта большею частью глубокий аллегорический смысл, или служат для технической цели, придавая пластическую округленность целому. Впрочем, обыкновение смешивать языческое с христианским было в общем ходу в средневековом искусстве: наружность готических церквей нередко украшалась мифологическими фигурами. — Харон в Страшном Суде Микель Анджело написав по идее Данта. Ампер.

Иду повергнуть вас на том краю
В тьму вечную и в жар и холод со льдами.⁶⁸

88. А ты, душа живая, в сем строю,
Расстанься с этой мертвою толпою!»
Но увидав, что недвижим стою:

91. «Другим путем,» сказал, «другой волною,
Не здесь, проникнешь ты в печальный край:
Легчайший челн помчит тебя стрелою.⁶⁹»

94. И вождь ему: «Харом, не воспрещай!
Так *там* хотят, где каждое желанье
Уж есть закон: старик, не вопрошай!⁷⁰» —

97. Косматых щек тут стихло колыханье⁷¹

⁶⁸ Тьма, жар и холод характеризуют в общих чертах и правильной последовательности три главные отдела ада, в котором лед находится на самом дне. (Ада XXXIV).

⁶⁹ Данте не легкая тень, как другие души, а потому тяжесть его тела слишком обременила бы легкую ладью теней.

⁷⁰ Т. е. на небе. Этими же самыми словами Вергилий укрощает гнев Миноса, адского судьи (Ада V, 22–24).

⁷¹ Пластически-верное изображение беззубого старика,

У кормщика, но огненных колес
Усилилось вокруг очей сверканье.

100. Тут сонм теней, взволнованный хаос,⁷²
В лице смутился, застучал зубами,
Едва Харон суд грозный произнес,⁷³ —

103. И проклинал родителей хулами,
Весь род людей, рожденья место, час
И семя семени с их племенами.

106. Потом все тени, в сонм един столпясь,
На взрыд взрыдали на берегу жестоком,
Где будет всяк, в ком Божий страх угас.

109. Харон же, бес, как уголь сверкая оком,
Маня, в ладью вгоняет сонм теней,

который, когда говорит, приводит в сильное движение щеки и бороду.

⁷² Это души прочих грешников, не принадлежащих к сонму ничтожных и долженствующих услышать от Миноса приговор, сообразно которому они займут места в аду.

⁷³ Слова Харона повергают грешников в ужас и отчаяние. Неподражаемо страшно представлено их состояние в эту решительную минуту.

Разит веслом отсталых над потоком.⁷⁴

112. Как осенью в лесу кружит борея
За листом лист, доколь его порывы
Не сбросят в прах всей роскоши ветвей:

115. Подобно род Адамов нечестивый,
За тенью тень, метался с берегов,
На знак гребца, как сокол на призывы.

118. Так все плывут по мутной мгле валов,
И прежде чем взойдут на берег сонный,
На той стране уж новый сонм готов.

121. «Мой сын,» сказал учитель
благосклонный,
«Пред Господом умершие в грехах
Из всех земель парят к реке бездонной»⁷⁵

⁷⁴ Подражание Virgилию, хотя Дантово сравнение несравненно прекрасней:

Quam multa in silvis autumni frigore primo
Lapsa cadunt folia.

Aeneid. VI, 309–310.

⁷⁵ Это ответ Virgилия на вопрос, предложенный ему Дантом выше (ст. 72–75).

124. И чрез нее торопятся в слезах;
Их правосудье Божье побуждает
Так, что в желанье превратился страх.⁷⁶

127. Душа благая в ад не проникает,
И если здесь так встречен ты гребцом,
То сам поймешь, что крик сей означает». —

130. Умолк. Тогда весь мрачный дол кругом
Потрясся так, что холодный пот доныне
Меня кропит, лишь вспомню я о том.

133. Промчался вихрь по слезной сей долине,
Багровый луч сверкнул со всех сторон
И, чувств лишась, в отчаянной пучине

136. Я пал как тот, кого объемлет сон.⁷⁷

⁷⁶ Правосудие, подвигшее Бога создать место казни, побуждает грешников, как бы по собственному их желанию, занять уготованную им обитель.

⁷⁷ Свою переправу через Ахерон Данте покрыл непроницаемою тайной. Поэт погружается в сон, во время которого чудесным образом переносится на другой берег, точно так, как в первой песни (Ада I, 10–12) он в глубоком сне входит в темный лес. В таком же мистическом сне возносится

Песнь IV

Содержание. Оглушительный гром пробуждает Данта на противоположном берегу Ахерона, на краю бездны, из которой несутся страшные стоны, заставляющие бледнеть самого Вергилия. Они сходят в первый круг — преддверие ада, Лимб, жилище умерших до крещения младенцев и добродетельных язычников. Данте, сострадая им, спрашивает Вергилия: был ли кто-нибудь избавлен из этого круга? и узнает о сошествии Христа во ад и об избавлении праотцев: Адама, Авеля, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова и Рахили с детьми, Моисея, Давида и других. Беседуя, таким образом, поэты встречаются на внешней окружности Лимба, в совершенной темноте, бесчисленную толпу теней, которую Данте сравнивает с лесом: это души добродетельным, но неизвестных, не отмеченных славою язычников; они и в Лимбе остаются во мраке. Подаваясь далее к центру круга, Данте видит свет, отделяющий славных мужей древности от неизвестных. Из этого отдела Лимба, озаренного светом и окруженного семью стенами и прекрасным ручьем,

он к вратам чистилища (Чист. IX, 19 и дал.). Он засыпает также перед вступлением в земной рай (Чистил. XXVII, 91 и д.).

раздается голос, приветствующий возвращающегося
Виргилия, и вслед за тем три тени, Горация, Овидия и
Лукана, под предводительством главы поэтов — Гомера,
выступают к ним на встречу, приветствуют путников и,
приняв Данта в свое число переходят с ним чрез ручей
как по суше и чрез семь ворот города. Возводят его на
вечно-зеленеющий холм героев. Отсюда обозревает
Данте всех обитателей города; но из них поименовывает
преимущественно тех, кой имеют отношение к отчизне
Энея — Трое и к основанной им Римской Империи. Над
всеми возвышается тень Аристотеля, окруженная
учеными по разным отраслям человеческих знаний:
философами, историками, врачами,
естествоиспытателями, математиками, астрономами, —
людьми различных наций: Греками, Римлянами,
Арабами. Взглянув на героев и ученых языческой
древности, Виргилий и Данте отделяются от
сопровождавших их поэтов и сходят с зеленеющей горы
Лимба во второй круг.

1. Громовый гул нарушил сон смущенный
В моей главе и, вздрогнув, я вскочил,
Как человек, насильно пробужденный.

4. И, успокоясь, взор я вкруг водил
И вглядывался пристально с стремнины,
Чтоб опознать то место, где я был.

7. И точно, был я на краю долины Ужасных бездн, где вечно грохотал⁷⁸

⁷⁸ *Долина ужасных бездн.* Архитектура ада так ясно определена в Дантовой поэме, что внимательный читатель без всякого дальнейшего описания легко может составить полную об нем идею. Впрочем, для того, чтоб читатели менее внимательные не затруднялись в составлении этой идеи (что возможно только по прочтении всей поэмы), мы предлагаем здесь краткое описание Дантова ада. Впоследствии мы будем говорить подробнее как об архитектуре и размерах ада, так и вообще о космологии *Divina Commedia*, причем к концу издания приложим необходимые рисунки. — Ад, по представлению поэта, согласному впрочем с верованиями средних веков, помещен внутри земли, так, что дно его находится в центре земного шара, который сам, по системе птолемеевой, составляет средоточие вселенной (см. прим. к Ад. I, 127 и II, 83). Это воронкообразная пропасть, прикрытая с верху шарообразным сводом, или корой обитаемого нами полушария. Воронка эта, опускаясь к центру земли, постепенно суживается и около земного центра оканчивается цилиндрическим колодезем. Внутренняя стена воронки разделена на уступы или ступени, которые в виде кругов опоясывают бездну. Таких уступов или кругов девять, из которых девятый составляет упомянутый выше колодезь: на них-то и размещены грешники по роду своих грехов, а в конце колодезя, на самом дне ада, погружен Люцифер. Каждый круг сверху ограничен утесистой стеной, к низу граничит с пустотой бездны. Чем ближе к центру, тем более суживаются концентрические круги ада, тем жесточе наказание. Седьмой круг, где наказуется насилие, разделен сверх того на три меньшие круга (*gironi*); восьмой же, в котором казнятся

различные виды обмана, распадается на 10 также концентрических рвов или долин (bolge), но притом так, что все они соединены между собой утесистыми отрогами или мостами, идущими от стены вышележащего рва к стене нижележащего. Наконец, девятый круг или цилиндрический колодезь, в коем наказуется величайший грех по Данту — измена, состоит из четырех отделений. В XXIX и XXX песнях Ада есть указания, по которым можно вычислить размер всего ада и каждого круга в отдельности. — Нравственное значение архитектуры Дантова ада подробно изложено в XI песни. Чем тяжелее преступление, тем ниже в аду оно наказуется, так что величайший грех — измена казнится в девятом кругу, а виновник греха — Люцифер составляет центр земли и воспринимает наивеличайшее наказание. Все круги суживаются к центру: это потому, что чем тяжелее преступление, тем реже оно встречается и, стало быть, тем меньше нужно места для помещения причастных ему грешников. По этой же причине, несметная толпа людей ничтожных занимает, как мы видели, самое обширное пространство; весь верхний объем адской воронки (см. примеч. к Ад. III, 21). Таким образом, геометрическое строение Дантова ада согласуется с его нравственным значением.

⁷⁹ Здесь, у самого обширного отверстия пропасти, крики всего ада сливаются как у отверстия огромного рупора и превращаются в гром, прерывающий сон поэта. В более глубоких, отдельных кругах, этот общий гром криков уже не так явствен, потому что отражается выдающимися краями кругов. Копишь.

10. Так был глубок и темен сей провал,
Что я, вперив глаза в туман, под мглою
В нем ничего на дне не различал.

13. «Теперь сойду в слепой сей мир с
тобою,⁸⁰»

Весь побледнев, так начал мой поэт:
«Пойду я первый, ты или за мною.»

16. Но я, узрев, как он бледнел, в ответ:
«О как пойду, коль духом упадаешь,
И ты, моя опора против бед!»

19. И он мне: «Казнь племен, в чей мир
вступаешь,

Мне жалостью смутила ясный взгляд,
А ты за ужас скорбь мою считаешь.

22. Идем: вам путь чрез тысячи преград.»
Так он пошел, так ввел меня в мгновенье
В круг первый, коим опоясан ад.⁸¹

⁸⁰ Данте называет подземный мир *елптий*, потому что он лишен света истинного познания (см. пр. к Ад. III, 18).

⁸¹ Поэты входят в преддверие ада или Лимб, где, по понятиям католической церкви, помещены добродетельные

25. Там — сколько я расслушать мог в
томленье —

Не плач, но вздохов раздавался звук
И воздух вечный приводил в волнение.

28. И был то глас печали, но не мук,
Из уст детей, мужей и жен, в долине
В больших толпах теснившихся вокруг.

31. Тут добрый вождь: «Почто ж не спросишь
ныне,
Кто духи те, которых видишь там?
Узнай, пока придем мы к их дружине:

язычники и невинные дети, умершие до принятия св. Крещения (Чист. VII, 31–36 и Рая XXXII, 79–81). Этот круг есть уже начало ада, тогда как пространство, где помещены ничтожные и трусы, а также река Ахерон, находятся совершенно вне ада (см. прим. Ада, III, 21). По представлению поэта, *Лимб* разделен на два концентрические круга, внешний, более обширный покрыт вечным мраком и вмещает в себе язычников добродетельных, но не известных, ни чем не прославившихся в жизни, а также детей неокрещенных; которой круг, прилежащий ближе к адской бездне, озарен светом, отделен от первого семью стенами и ручьем, имеет вид зеленеющего холма. Постепенно возвышающегося, и служит обителью для героев и других славных мужей древности.

34. Безгрешные, за то лишь небесам
Они чужды, что не спаслись крещеньем, —
Сей дверью веры, как ты знаешь сам.

37. До христианства жив, они с смиреньем,⁸²
Как надлежит, не пали пред Творцем;
И к ним и я причтен святым веленьем.

40. Сим недостатком, не другим грехом,
Погибли мы и только тем страдаем,
Что без надежд желанием живем.^{83»}

⁸² Живя до Р. Х, они не воздали надлежащего поклонения истинному Богу, ибо не веровали, подобно добродетельным Евреям, в пришествие Мессии (Рая XX, 103 и XXXII).

⁸³ Естественное состояние людей неверовавших. «Достигнув всего земного, они не имеют предчувствия и надежды увидеть высший свет; а как ничто земное не в силах успокоить духа и удовлетворить его стремлений, то вся жизнь их проходит в вечном томлении, в бесплодном стремлении к неведомой цели. Так и души, заключенные в преддверии ада, которое собственно не есть еще место казни, не смотря на зеленеющий вечно холм и прекрасный ручей, напоминающие им красоту земли, не смотря на искусства, которыми жизнь наша становится краше, не смотря даже на свет, их окружающий, тем не менее томятся желанием небесного света.» Штрэнфуес.

43. Великой скорбью на сердце снедаем,
А видел здесь, у роковой межи,
Толпу теней, отвергнутую раем.

46. «Скажи, мой вождь, учитель мой, скажи!»
Так начал я, да утвержуся в вере,
Рассеявшей сомненье каждой лжи:⁸⁴

49. «Отверз ли кто себе к блаженству двери
Заслугою своей, или чужой?»
И, тайну слов постигнув в полной мере,

52. Он рек: «Я внове с этой был толпой,⁸⁵
Когда притек Царь силы, пламенея⁸⁶
Венцем победы, и вознес с Собой

⁸⁴ *Сомнения*, т. е. кажущееся противоречие Церкви между ее учением о бесконечности адских мук и избавлением праотцев.

⁸⁵ *Виргилий умер за 52 года до смерти Христа (см. прим. в Ада I, 70–72)*

⁸⁶ *Царь силы*, в подл.: un Poetente. Имя Христа ни разу не упоминается во всем Аду, но всегда заменяется перифразом.

55. Тень праотца к блаженствам эмпирея
И Авеля и Ноя и закон
Создавшего владыку Моисея.

58. Был Авраам, был царь Давид спасен,
С отцом Израиль и с детьми своими⁸⁷
Рахиль, для ней же столько сделал он,

61. И многие соделались святыми*⁸⁸
Но знай, до них никто из всех людей
Не пощажен судьбами всеблагими.»

64. Так говоря, мы шли стезей своей
И проходили темный лес высокий,
Лес, говорю, бесчисленных теней⁸⁹

67. Еще наш путь отвел нас недалеко⁹⁰

⁸⁷ Иаков 14 лет служил Лавану для получения руки его дочери Рахили.

⁸⁸ Рая XXXII.

⁸⁹ Толпу хотя добродетельных, но неизвестных язычников Данте не без основания называет лесом теней, конечно имея в виду темный лес первой песни. (Ада I, 2 и примеч. к II, 34–36).
Копишь.

От высоты, когда я огонь узрел,⁹¹
Полубьятый сводом мглы глубокой.

70. Еще далеко он от нас горел,
Но рассмотреть я мог уж с расстоянья⁹²
Почтенный сонм, занявший сей предел.

73. «Честь каждого искусства и познания!
Кто сей народ, возмогший приобрести
Такой почет от прочего собрания?»

76. И он в ответ: «Их имена и честь,
Что в жизни той звучат об них молвою,

⁹⁰ Т. е. от того места, где находился Данте, когда Virgilий сказал ему: «Теперь сойду с тобою», ст. 13.

⁹¹ *Огонь*. Где-то среди мрака, покрывающего Лимб, горит пламя, которое и освещает обитель героев. — *Полубьятый сводом мглы гл убокой*, в подлин.: *Ch'emisperio di tenebre vincia*. Я перевел это темное место согласно объяснению Копиша: если свет озаряет какое-нибудь место, тогда окружающий мрак, на подобие небесного свода, будет лежать над светом и давать ему вид полушария.

⁹² *Почтенный сонм*. Это герои и великие мужи древности. Данте может рассмотреть их уже издали, потому что они помещены на холме, постепенно возвышающемся.

Склонили небо так их предпочесть.»

79. Меж тем раздался голос надо мною:

«ВозДанте честь певцу высоких дум!

Отшедший дух нам возвращен судьбою.⁹³»

82. И вот четыре призрака на шум

К нам двинулись, чтоб ввести в свою обитель:

Был образ их ни светел ни угрюм.

85. Тогда так начал мой благой учитель:

«Узри того, что шествует с мечем,⁹⁴

Ведя других как некий повелитель.

88. То сам Гомер, поэтов царь; потом

Гораций, бич испорченному нраву;

Назон с Луканом вслед идут вдвоем.

91. Одно нам имя всем снискало славу,⁹⁵

Как здесь о том вещал один глагол;

⁹³ Этот голос есть приветствие Virgiliu, который и в обители славы приемлется с подобающею честью.

⁹⁴ Меч в руке Гомера есть символ воспетых им битв.

⁹⁵ Т. е. имя певца (ст. 80.)

Затем и честь мне воздают по праву.^{96»}

94. Так собрались певцы прекрасных школ
Вокруг отца высокого творенья,
Что выше всех летает как орел.

97. Поговорив друг с другом, знак почтения
Мне воздали они: учитель мой
На то смотрел с улыбкой одобренья.

100. И был почтен я высшей похвалой.⁹⁷
Поставленный в их сонме, полном чести,
Я был шестым средь мудрости такой.

103. Так к свету шли мы шесть певцов все
вместе,
Беседуя, но сказанных речей
Не привожу, в своем приличных месте.⁹⁸

⁹⁶ Великие натуры воздают честь друг другу, низкие друг другу завидуют. Копишь.

⁹⁷ Здесь, в обители героев, не только нет вздохов, которыми потрясают воздух неизвестные язычники в темном отделе лимба, но даже заметна и радость при виде чужой славы.

⁹⁸ Задушевные думы поэтов, зародыши будущих

106. Вблизи от нас был дивный град теней,⁹⁹
Семь раз венчаный гордыми стенами,
И вокруг него прекрасных волн ручей.

109. Пройдя поток как сушу с мудрецами,
Чрез семь ворот вошли мы в град, где луг
Муравчатый открылся перед нами.

творческих их созданий, не должны быть преждевременно высказываемы. Копишь.

⁹⁹ *Дивный град* (в подлин: *un nobile castello*) есть зеленеющий холм, который, будучи озарен светом и окружен семью стенами, возвышается во внутренней окружности Лимба над адской бездной. Семь стен, по толкованию Ландино и Веллутелло, означают семь добродетелей, доступных и язычникам: благоразумие, воздержание, справедливость, силу, разум, науку и мудрость, или, по объяснению Даниелло, семь свободных искусств, составлявших в средние века так наз. *trivium* и *quadrivium* (грамматику, риторику, диалектику, арифметику, музыку, геометрию и астрономию). Ручей объясняют как эмблему красноречия. Копишь принимает первое объяснение; он говорит: кто не обладает этими добродетелями, тот не может проникнуть в обитель героев, потому и ручей вокруг города служит для того только, чтоб защитить обитель славных от вхождения в нее людей недостойных, не прославившихся никакою доблестью.

112. С величием там тени бродят вокруг,
И строгое медлительно их око
И сладостен речей их редких звук.

115. Там, в стороне, взошли мы на высокий,
Открытый всюду, озаренный дол,
Отколь всех я видеть мог далеко.

118. На бархате лугов, я там нашел
Великих сонм, скитавшийся пред нами,
И, видя их, в восторг я вдруг пришел.

121. Электра там со многими друзьями,
Меж коих был и Гектор и Эней¹⁰⁰
И Цезарь, тень с сокольными очами.¹⁰¹

¹⁰⁰ Электра (*Electra scilicet, nata magni nominis, regis Atlantis*. Dante, *De Monarchia*, 2), дочь не Агамемнона, но Атланта, супруга Аталана, основавшего, по словам Рикордано Малеспини, древнейшего летописца флорентинского, город Фиезоле, из которого возникла впоследствии Флоренция (Ада XV. 72). Она мать Дардана, основателя Трои, потому и окружена троянцами: Гектором, защитником Трои, Энеем, основателем Римской Империи (Ада II, 13–27), и Цезарем, первым ее императором (примеч. в Ада I, 70–72), который, родом от Иула, сына Энеева, также был троянского происхождения.

¹⁰¹ Светоний говорит о черных, живых глазах Цезаря —

124. Камилла там, Пентезился с ней,¹⁰²
И царь Латин, поодадь восседавший¹⁰³
С Лавинией, со дщерию своей.

127. Там был и Брут, Тарквиния
изгнавший,¹⁰⁴
Лукреция с Корнельей средь подруг
И Саладин, вдали от всех мечтавший.¹⁰⁵

«nigris vegetisque oculis.»

¹⁰² Камилла, воинственная дочь Метаба, царя Вольсков, пала за Лациум; Пентезился, царица Амазонок, сражалась и пала за Трою.

¹⁰³ Латин и Лавиния, тесть и супруга Энея.

¹⁰⁴ Луций Юний Брут. Лукреция, супруга Коллатина, обесчещенная Секстом Тарквинием. Корнелия, мать Гракхов. — В подлиннике еще поименованы: Юлия, дочь Цезаря, супруга Помпея Великого, и Марция, супруга Катона Утического (Чист. I, 79).

¹⁰⁵ Саладин, султан вавилонский, благородный противник христианского Рима, естественно находится один вдали от прочих римских героев. Поместив его в число славных мужей, Данте хотел выразить свое беспристрастие.

130. Я взор возвел и мне явился дух —
Учитель тех, что в мудрость ум вперяют,¹⁰⁶
И с ним семья философов вокруг.

133. Все чтут его, все на него взирают;
Один Сократ с Платоном от других
К нему всех ближе место занимают.

136. И Демокрит, что мир судьбой воздвиг,¹⁰⁷
И Диоген, Зенон с Анаксагором,
И Эмпедокл, Орфей, Эвклид меж них;

139. Диоскорид, прославившийся сбором,¹⁰⁸
И Цицерон и Ливий и Фалес
И моралист Сенека перед взором;

¹⁰⁶ *Учитель* и проч. — Аристотель. Чтоб взглянуть на него, Данте должен поднять голову. Он не называет его по имени, воздавая тем ему особенную почесть, ибо уверен, что Аристотеля узнает каждый и без наименования.

¹⁰⁷ Демокрит из Абдеры полагал, что мир возник из случайного соединения атомов. — В подлинн: *che 'l mondo a caso ропе* (который основал мир на случае).

¹⁰⁸ Диоскорид, греческий врач, писавший о свойствах трав и камней, о ядах и противоядиях.

142. И Птоломей, измеритель небес,
И Гиппократ, с Галеном, с Авиценной,¹⁰⁹
И, толкователь слов, Аверроэс.¹¹⁰

145. Но кто ж исчислит весь их сонм
почтенный?

Мой долгий труд торопит так меня,
Что часто речь полна несовершенно.

148. Тут лик шести умалился двумя,¹¹¹
И я вошел, вслед за моим поэтом,
Из тишины туда, где вихрь, шумя,

151. Кружит в стране, не озаренной светом.

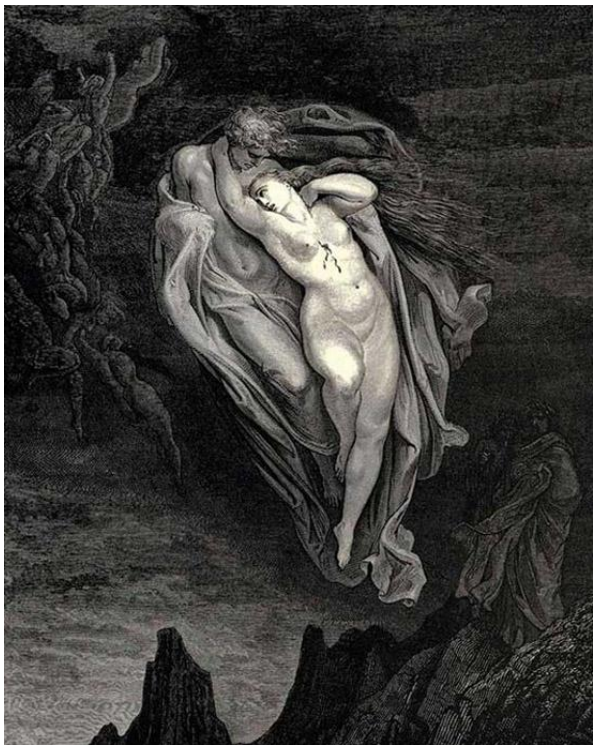
Песнь V

¹⁰⁹ Птоломей, географ и астроном, основатель системы мироздания, которой следует Данте в своей поэме.

¹¹⁰ Аверроэс из Кордовы, арабский философ, известный в средние века своим толкованием на Аристотеля.

¹¹¹ Из шести поэтов отходят двое — Данте и Вергилий.

Содержание. Поэты спускаются во второй круг ада, меньший пространством, но исполненный большей муки. При самом входе, они встречают Миноса, адского судью, занятого распределением по аду грешников, к нему беспрестанно прибывающих. При виде Данта, Минос прерывает на время исполнение своей обязанности и напоминает живому пришельцу о дерзости его предприятия; но теми же словами, которыми укрощен был Харон, Вергилий укрощает и Миноса. Между тем жалобные крики грешников начинают становиться явственными. Это крики сладострастных: среди вечного мрака неистовый вихрь адский вечно носит их во все стороны. Из их числа Вергилий поименовывает Данту некоторых, преимущественно женщин; но особенное внимание возбуждают две тени, неразлучно носимые бурей — тень Паоло Малатеста ди Римини и жены его брата Франчески. Данте призывает их, расспрашивает о причине их мучений, и одна из двух теней рассказывает ему о начале и трагическом конце своей преступной любви. Потрясенный до глубины сердца состраданием к их участи, Данте лишается чувств и падает как мертвый.

1. Так с первой мы спустилися ступени
Вниз во второй, пространством меньший,
крут,

Где больше мук, от них же воют тени.¹¹²

4. Скрежещет там Минос, ужасный дух,¹¹³
Исследует грехи у входа, судит
И шлет, смотря как обовьется вкруг.

7. Я говорю: едва к нему прибудет
На покаянье злая тень и сей
Всех прегрешений вещатель рассудит:

10. Какое место в аде выбрать ей, —
Хвост столько раз он вкруг себя свивает,
На сколько вниз ниспасть ей ступеней.

13. Всегда пред ним их множество стенает:
Тень каждая ждет в очередь суда, —
Поведает, услышит, исчезает.

16. «О ты, пришлец в дом скорби и стыда!»

¹¹² Чем ближе круги ада к центру земли, тем более суживаются (см. прим. к Ад. IV, 7–9).

¹¹³ Минос, сын Юпитера и Европы, мифологический судия мертвых, преобразован, подобно Харону, в беса (см. прим. к Ад. III, 83). По объяснению некоторых, он олицетворяет собою пробужденную злую совесть.

Узрев меня, вскричал Минос ужасный,
Прервав заботу тяжкого труда:¹¹⁴

19. «Взгляни, с кем ты дерзнул в сей путь
опасный:

Пространством врат себя не обольщай!¹¹⁵» —
И вождь ему: «К чему ж твой крик
напрасный?

22. Путь роковой ему не воспрещай!
Так *там* хотят, где каждое желанье
Уж есть закон: Минос, не вопрошай!¹¹⁶» —

25. Здесь явственней услышал я стенанье
Печальных душ: я был в стране теней,

¹¹⁴ Минос прерывает отправление своей обязанности: значит, Данте не принадлежат к числу грешников. В первой песне он был только представителем греха других.

¹¹⁵ Намек на Virгилиево изречение: «*facilis discensus Avernī.*»

¹¹⁶ Теми же словами, которыми Virгилій укротил гнев Харона (Ада III, 94–96), укрощает он и адского судью. Это повторение одних и тех же слов дает Virгилию характер чародея и заклинателя, — характер, который он носил в средние века.

Где так пронзило слух мой их рыданье.

28. Я был в краю, где смолкнул свет лучей,¹¹⁷
Где воздух воет, как в час бури море,
Когда сразятся ветры средь зыбей.

31. Подземный вихрь, бушуя на просторе,
С толпою душ кружится в царстве мглы:
Разя, вращая, умножает горе.

34. Когда ж примчит к окраине скалы,¹¹⁸
Со всех сторон тут плач и стон и крики,
На промысел божественный хулы.

37. И я узнал, что казни столь великой
Обречены плотские те слепцы,
Что разум свой затмили страстью дикой.¹¹⁹

¹¹⁷ В подлинн.: *luogo d'ogni luce muto*. Я решился удержать эту смелую метафору, часто встречающуюся у Данта.

¹¹⁸ Окраина скалы есть внутренний край адского круга, граничащий с бездной: сюда устремлены души бурей, как корабль, разбивающийся о подводный камень.

¹¹⁹ Здесь наказуются сладострастные (*i peccator carnali*). «Как в жизни вечно стремилась их необузданная страсть, лишая их спокойствия, так и здесь беспрестанно кружить их адский

40. И как густой станицею скворцы
Летят, когда зимы приходит время:
Так буйный ветер несет во все концы,

43. Туда, сюда, вниз, кверху, злое племя;
Найти покой надежды все прошли,
Не облегчается страданий бремя!

46. И как, крича печально, журавли
Несутся в небе длинною чертою:
Так поднята тем ветром от земли

49. Толпа теней и нет конца их вою. —
И я спросил: «Какой ужасный грех
Казнится здесь под темнотой ночною?»

52. И мне учитель: «Первая из тех,¹²⁰

вихрь. Как в жизни голос желания увлекал их против воли на утесы и в пропасти, где погибали они духовно, а нередко и физически, так и здесь, в стране вечного наказания, повинуются они тому же голосу. И вот, встречая опасность, они обвиняют не самих себя, за то, что на веки покорны дикой ослепляющей страсти дар божественный — разум и свободную волю; но с тем же безумием, в той же слепоте обвиняют божественную силу и промысл.» Штрекфусс.

О коих ты желаешь знать, когда-то
Владычица земных наречий всех, —

55. Так сладострастием была объята,
Что, скрыть желая срам свой от граждан,
Решилась быть потворницей разврата,

58. Семирамиду видишь сквозь туман;¹²¹
Наследовав от Нина силу власти,
Царила там, где злобствует султан.¹²²

преимущественно о женщинах, может быть потому, что женский пол наиболее склонен к греху, здесь наказуемому. Каннегиссер.

¹²¹ Семирамида, царица вавилонская и ассирийская, названа «владычицей всех наречий», или потому, что повелевала многими народами, или потому, что Вавилон, ее столица, был местом смешения языков. Об ней есть предание, которое гласит, что она законом дозволила сыновьям жениться на матерях, и сама вышла замуж за сына, которого впоследствии убила. На этот закон намекается в ст. 55–56. Семирамида послужила Данту превосходным образцом необузданной чувственности, потому он и избрал ее в предводительницы вереницы теней. В средние века ходила в народе легенда о подобной веренице душ, носящейся по ночам среди бури.

¹²² Странами, где царствовала Семирамида, управляли во времена Данта султаны турецкие и курдистанские.

61. Другая грудь пронзила в дикой страсти,
Сихею данный позабыв обет;
С ней Клеопатра, жертва сладострастий.»

64. Елена здесь, причина стольких бед;
Здесь тот Ахилл, воитель быстроногий,¹²³
Что был сражен любовью средь побед;

67. Здесь и Парис, здесь и Тристан, и
много¹²⁴
Мне указал и назвал он теней,
Низвергнутых в сей мир любовью строгой.

70. Пока мой вождь мне исчислял царей
И рыцарей и дев, мне стало больно

¹²³ Ахиллес, влюбленный в Поликсену, был умерщвлен стрелой ее брата Париса.

¹²⁴ Парис или похититель Елены, жены Менелая, или знаменитый в средние века герой рыцарского романа этого имени — Тристан, первый странствующий рыцарь, из цикла баснословных сказаний о короле Артуре. Он был влюблен в Изотту или Изольду (Белорукую), супругу Марка корнваллийского, своего дяди, и за то убит ядовитой стрелой последнего.

И обморок мрачил мне свет очей.

73. «Поэт», я начал, «мысль моя невольно
Устремлена к чете, парящей там,¹²⁵

¹²⁵ Эта чета тень Паоло и Франчески. Боккаччио в своем комментарии к Дантовой поэме так рассказывает трагическую историю этих двух любовников. Между Гвидо да Полента, властителем Равенны и Червии, и домом Малатеста ди Римини существовала давнишняя семейная вражда. Наконец раздор между двумя домами был улажен, при чем положено было для прочности дружбы выдать Франческу, прекрасную дочь Гвидо, за Джанчиотто, сына Малатеста. Как скоро об этом узнали, один из друзей Гвидо дал ему заметить, что дочь его едва ли согласится выйти за хромого, безобразного Джанчиотто, отличавшегося сверх того свирепостью нрава; а потому советовал прибегнуть к хитрости. Хитрость эта состояла в том, чтобы сам Джанчиотто не являлся для свершения брачного обряда, а прислал бы вместо себя одного из своих братьев. Гвидо, желавший иметь зятем Джанчиотто, как человека весьма умного, а главное — прямого наследника своего отца после его смерти, воспользовался советом друга. Таким образом, один из братьев Джанчиотто, Поло или Паоло, прекрасный, образованный юноша, прибыл на место брата, чтоб обвенчаться с Франческой. Франческа тотчас же влюбилась в него страстно и вскоре была с ним обвенчана. Поло увез ее в Римини; но и там она узнала обман только на другой день, когда, проснувшись, вместо Поло нашла около себя Джанчиотто. Глубоко оскорбленная этим поступком, она тем с большей силой предалась своей страсти к Поло. Ежедневно виделись они в отсутствии Джанчиотто, уехавшего из Римини по своим дедам. Впрочем, они были

С которой вихрь так мчится произвольно.»

76. И он: «Дождись, когда примчатся к нам:
Тогда моли любовью, их ведущей, —
И прилетят они к твоим мольбам. —

79. Как скоро к нам принес их ветер ревущий,
Я поднял глас: «Не скрой своей тоски,
Чета теней, коль то велит Всесущий!»

недовольно осторожны: один из слуг Джианчиотто, подслушав их разговор, известил об этом своего господина. Джианчиотто в бешенстве возвратился в Римини и начал наблюдать за любовниками. Подметив, что Поло вошел к Франческе, он поспешил за ним; но, найдя двери запертыми изнутри, начал сильно стучаться и называть Франческу по имени. Любовники тотчас узнали его по голосу. Поло умолял Франческу впустить ее мужа, надеясь скрыться чрез потаенную дверь и тем спасти честь Франчески. Но в торопях он зацепился платьем за железный крюк потаенной двери в ту самую минуту, когда Джианчиотто ворвался в комнату. В бешенстве он бросился на Поло с обнаженным кинжалом. Чтобы спасти Поло, Франческа кинулась между им и мужем; кинжал, направленный в грудь Поло, погрузился ей в сердце. Увидев у ног своих мертвую Франческу, Джианчиотто тем с большей яростью бросился на своего брата и заколол его. Это случилось 4 Сентября 1989. Племянник этой Франчески, Гвидо V Полентский, был до смерти Данта искренним его другом и лучшим покровителем.

82. Как, на призыв желанья, голубки
Летят к гнезду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нежны и легки:

85. Так, разлучась с толпою, где Дидона,¹²⁶
Сквозь мрак тлетворный к нам примчались

ВНОВЬ:

Так силен зов сердечного был стона!

88. «О существо, постигшее любовь!
О ты, который здесь во тьме кромешной
Увидел нас, проливших в мире кровь!

91. Когда б Господь внимал молитве грешной,
Молили б мы послать тебе покой
За грусть о нашей скорби неутешной.

94. Что скажешь нам? что хочешь знать?
открой:

Все выскажем и выслушаем вскоре,¹²⁷

¹²⁶ В этой толпе, по-видимому, находятся души тех, которые вследствие преступной любви кончили жизнь насильственной смертью.

¹²⁷ Даже адская буря на время замолкает, пока Франческа рассказывает печальную историю своей любви.

Пока замолк на время ветра вой.

97. Лежит страна, где я жила на горе,
У взморья, там, где мира колыбель
Находит По со спутниками в море.¹²⁸

100. Любовь, сердец прекрасных связь и цель,
Моей красой его обворожила
И я, лишась ее, грущу досель.

103. Любовь, любимому любить судила
И так меня с ним страстью увлекла,
Что, видишь, я и здесь не разлюбила.

106. Любовь к одной нас смерти привела;
Того, кем мы убиты, ждут в Каи не!¹²⁹»
Так нам одна из двух теней рекла.

109. Склонив чело, внимал я о причине.
Мучений их, не подымал главы,
Пока мой вождь: «О чем ты мыслишь

¹²⁸ Франческа родилась в Равенне, при впадении реки По в море.

¹²⁹ Каи на, одно из отделений девятого круга, названное так по имени Каина.

ныне?¹³⁰»

112. И, дав ответ, я продолжал: «Увы!
Как много сладких дум, какие грезы
Их низвели в мученьям сей толпы?»

115. И к ним потом: «Твоей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой рассказ
В очах рождает сострадания слезы.

118. Но объясни: томлений в сладкий час
Чрез *что* и *как* неясные влеченья
Уразуметь страсть научила вас?»

121. И мне она: «Нет большего мученья,
Как о поре счастливой вспоминать¹³¹
В несчастьи: твой вождь того же мненья.

¹³⁰ Данте вспоминает здесь собственную слабость.

¹³¹ По толкованию одних, это намек на слова Вергилия: *Infandum regina jubes renovare dolorem*; но с большим вероятноем должно разуметь здесь Боэция, который в книге своей: *De consolatione*, сказал: *In omni adversitate fortunae intelicissimum genus infortunii est fuisse felicem*. Книга эта составляла для Данта утешение по смерти его Беатриче.

124. Ты хочешь страсти первый корень знать?
Скажу, как тот, который весть печали
И говорит и должен сам рыдать.

127. Однажды мы, в миг счастья, читали,
Как Ланчелот в безумии любил:¹³²
Опасности быть вместе мы не знали.

130. Не раз в лице румянца гаснул пыл
И взор его встречал мой взор беспечный;
Но злой роман в тот миг нас победил,

133. Когда прочли, как поцелуй сердечный
Был приманен улыбкою к устам,
И тот, с кем я уж не расстанусь вечно,

136. Затрепетав, к моим приникнул сам...
Был Галеотто автор книги гнусной!..¹³³

¹³² Ланцелот озера, рыцарский роман из цикла сказаний о Круглом Столе. Ланцелот был сын свергнутого с престола короля Бан де Бенуа; его спасла и воспитала «Царица озера.» Впоследствии он отличился рыцарскими подвигами при дворе короля Артура и влюбился в его супругу Жиневру. Ланцелот был любимым роман высшего круга во времена Данта.

¹³³ Галлего (Галеотто), король *d'outre les marches*, сперва воевал против Артура, но, побежденный Ланцелотом, примирился с Артуром также при помощи последнего. В

В тот день мы дальше не читали там!»

139. Так дух один сказал, меж тем так грустно
Рыдал другой, что в скорби наконец
Я обомлел от повести изустной

142. И пал без чувств, как падает мертвец.

Песнь VI

Содержание. Данте в третьем кругу ада. Здесь под градом, снегом и ливнем мутной воды казнятся обжоры, увязшие в грязной тине Треглавое чудовище Цербер, страж этого круга, хватает грешников, четверит их, сдирает с них кожу. С яростью бросается он на поэтов; но горсть земли, брошенная Вергилием в тройную пасть чудовищу, укрощает его. Поэты идут далее, попирая грешников, смешанных в одну отвратительную кучу с грязью. Один из них, флорентинец Чиаако, приподнимается и, на вопрос Данта, предсказывает ему будущие судьбы Флоренции и его собственное изгнание. Данте спрашивает его об участи некоторых

благодарность Галлего сделался посредником в любовной интриге между Жиневрой и Ланцелотом. С того времени всех людей подобного рода называли Галеоттами.

флорентинцев и узнает, что они в более глубоких кругах ада. Попросив живого странника напомнить о себе своим соотчикам, Чиакко упадает лицом в грязь и навсегда замолкает. В беседе о будущей неземной жизни, Виргилий и Данте приходят в границе третьего круга и, спустившись в четвертый круг, встречают демона богатства, великого врага человечества, Плутуса.

1. С возвратом чувств, к которым вход
закрылся¹³⁴

При виде мук двух родственных теней,
Когда печалью весь я возмутился,¹³⁵ —

4. Иных скорбящих, ряд иных скорбей
Я зрел везде, куда ни обращался,
Куда ни шел, ни устремлял очей.

¹³⁴ Обморок, в который упал Данте в конце предыдущей песни, как бы запер двери чувств для впечатлений внешнего мира. Филалетес.

¹³⁵ Данте не говорит, каким образом перешел он из второго круга в третий, вероятно потому, что хотел намекнуть читателю, что душа его и по возвращении в нем чувств так сильно была потрясена горестною судьбою двух любовников, что он не обратил никакого внимания на путь, теперь им пройденный. Оно пробудилось в нем только при виде новой казни. Штрекфусс.

7. Я был в кругу, где ливень проливался¹³⁶
Проклятый, хладный, вечный: никогда
Ни в мере он ни в свойствах не менялся.

10. Град крупный, снег и мутная вода
Во мраке там шумят однообразно;
Земля, приняв их, там смердит всегда.

13. Там Цербер, зверь свирепый,
безобразный,¹³⁷

¹³⁶ В этом кругу казнятся обжоры (*i miseri profani*). «Дождь, этот благодатный дар неба, оплождающий землю, здесь во мраке, недоступном для солнечного света, ничего не производит, кроме отвратительной грязи и смрада: дары неба тщетно расточаются для сластолюбцев, грешники погружены в грязь: не то же ли случилось с ними и в жизни? Они не в силах из нее подняться; тщетно пытаюсь из нее освободиться, они только поворачиваются с бока на бок; если же и случится им приподняться, они тотчас же снова падают (ст. 91–93) и притом вперед головою, вместилищем их духовных сил: до того она отяжелела, что сама клонит их к земле». Копишь и Штрекфусс.

¹³⁷ Подобно Харону и Миносу, Virгилиев Цербер превращен в беса, треглавый образ которого кончается в исполинского червя или змею. Червем, который точить мир, назван и Люцифер (Ада XXXIV, 107). Он с тройною пастью, с толстым чревом, с сильной (в подлин: с черной и сальной

По-песьи лает пастью тройной
На грешный род, увязший в тине грязной.

16. Он, с толстым чревом, с сальной бородой,
С когтями на лапах, с красными глазами,
Хватает злых, рвет кожу с них долой.

19. Как псы там воют души в грязной яме:
Спасая бок один другим, не раз
Перевернутся с горькими слезами.

22. Червь исполинский, лишь завидел нас,
Клыкастые три пасти вдруг разинул;
От бешенства все члены он потряс.

25. Тогда мой вождь персты свои раздвинул,
Схватил земли и смрадной грязи ком
В зев ненасытный полной горстью кинул.¹³⁸

бородой, с красными глазами — сущее олицетворение обжорства. Он насыщается грязью: этим выражена ценность того, чем сластолюбцы стремятся удовлетворить свои желания, ради чего они забывают о высшем назначении человека — о развитии высших духовных сил. Лай Цербера оглушает грешников; это голос злой их совести, для которой в грязи своей они охотно желали бы вечно быть глухими.

28. Как пес голодный воеет и потом
Стихает, стиснув кость зубами злыми,
И давится и борется с врагом:

31. Так, сжав добычу челюстями тройными,
Сей Цербер-бес стол яростно взревел,
Что грешники желали б быть глухими.

34. Чрез сонм теней, над коим дождь шумел,
Мы шли и, молча, ноги поставляли
На призрак их, имевший образ тел.¹³⁹

Cui vates, horrere videns jam colla colubris,
Helle soporatam et medicatis frugibus offam
Objieit Ille fame rabida tria guttura pandeni
Gorripit objectam, atque immanla terga resolvit
Pusus bumi, totoque ingens extenditur antro.

¹³⁹ Не смотря на то, что грешники, наказуемые в этом кругу, имеют человеческий образ и кажутся действительными существами, они так ничтожны, что их нельзя отличить от зловонной грязи, в которую погрязла их душа. Как грязь, Данте попирает их ногами, обращая на них столько же внимания, как и на грязь настоящую. Каннегиссер. — Вообще однако ж заметим, что Дантовы тени в аду еще не совсем освобождены от земли, существо их еще связано с некоторою материальностью; в чистилище они более духовны; наконец в раю души называются уже не теньями, а светами, ибо вечно окружены светом оживляющей их радости.

37. Простертые, все на земле лежали;
Один лишь дух привстал и сел, сквозь сон
Узрев, что мимо путь свой мы держали.

40. «О ты, ведомый в бездну,» молвил он,
«Узнай меня, коль не забыл в разлуке:
Ты создан прежде, чем я погублен.»

43. И я: «Твой лик так исказили муки,
Что ты исчез из памяти моей
И слов твоих мне незнакомы звуки.

46. Скажи ж, кто ты, гнетомый мукой сей,
Хоть, может быть, не самую ужасной,
Но чья же казнь презренное твоей?» —

49. И он: «Твой град, полн зависти
опасной,¹⁴⁰ —
Сосуд, готовый литься чрез край —,
Меня в себе лелеял в жизни ясной.

¹⁴⁰ Флоренция в это время была разделена на партии Белых и Черных, споривших между собою о первенстве (см. ниже).

52. У вас, граждан, Чиакком прозван я:¹⁴¹
За гнусный грех обжорства, в низкой доле,
Ты видишь, ливень здесь крушит меня.

55. И, злая тень, я не одна в сем поле;
Но та же казнь здесь скопищу всему
За грех подобный!» — И ни слова боле.

58. «До слез, Чиакко,» я сказал ему,
«Растроган я твоим страданьем в аде;
Но, если знаешь, возвести: к чему

61. Дойдут граждане в раздробленном граде?
Кто прав из них? скажи причину нам,
Как партии досель в таком разладе?»¹⁴²»

¹⁴¹ Чиакко есть или сокращенное *Джиакопо*, Яков, или прозвище, которое на флорентинском наречии значит *свинья*. Невероятно, чтобы Данте в обращении к этому грешнику употребил сказанное слово в насмешливом тоне, при том глубоком участии, которое он принимает в его судьбе. Во всяком случае, эта игра слов между *Чиакко*, Яков, и *чиакко*, свинья, резко характеризует представителя греха, здесь наказуемого. Этот *Джиакопо* или *Чиакко*, по словам древнейших комментаторов, был судьей и веселый собеседник, приятный в обществе. Об нем упоминает Боккаччио Decamer. IX, 8.

¹⁴² Данте спрашивает о судьбе родного города, потому что

64. А он в ответ: «По долгим распрям там¹⁴³

весною 1300 дела Флоренции находились еще в нерешенном состоянии.

¹⁴³ Для ясного уразумения предсказания Чиакко необходимо знать политическое состояние Флоренции того времени, тем более, что эти исторические сведения послужат нам впоследствии ключом для объяснения многих мест Дантовой поэмы. В конце XIII столетия, Флоренция, изгнав партию Гибеллинов, наконец могла насладиться некоторое время миром; но это спокойствие было непродолжительно. Пистоия в то время входила в состав гвельфского союза в Тоскане, имея такое же народное правление, как и Флоренция. Одна из знаменитейших фамилий этого города, Канчелльери, разделилась на две линии: члены одной назвали себя по матери, Бианки, *белыми*, члены другой, в противность ей, назвались *черными*. Эти партии давно уже враждовали между собою и нередко приходили в кровавые столкновения; во в 1300 вражда их загорелась с новою силою. Амадоре, один из партии Черных, поссорившись, ранил своего родственника Ванни (из партии Белых). Отец Амадоре, человек миролюбивого характера, отправил сына к отцу раненного извиниться в своей запальчивости; но этот последний, вместо того, чтобы слушать оправдания, велел схватить Амадоре, и, сказав, что мечем, а не словами, решаются такие оскорбления, отрубил ему правую руку. Это злодейство тотчас разделило весь город: одни приняли сторону Черных, другие Белых. Но распря не ограничилась одной Пистойей, а тотчас же передалась и Флоренции, где враждебный дух Гвельфов и Гибеллинов еще несовершенно был подавлен. Во Флоренции

сторону Черных приняли члены старинного дворянского рода Донати (под предводительством Мессера Корсо), а сторону Белых новый дворянский дом Черки (под начальством Мессер Виеро). Смуты и кровопролитные драки распространились по всему городу. В это время Флоренция управлялась приорами, избиравшимися ежегодно по 6 человек, каждый на два месяца. Желая прекратить волнения, они, согласно с преданием, по совету Данта, бывшего с 15 Июня по 15 Августа прошедшего года приором Флоренции, изгнали из города предводителей обеих партий: Черных в Перуджию, Белых в Сарзану. Это было в феврале 1301. В то время Черные обратились к папе Бонифацию VIII с просьбою прислать им стороннего правителя для водворения у них порядка. Между тем Белые, как менее виновные, вскоре были призваны обратно, под предлогом, что климат Сарзаны был для них вреден, и действительно многие из них погибли от болезней. Возвратившись в город, они успели в Июне 1301 изгнать и остальных из партии Черных, которые и удалились к своим вождям в Перуджию. Принимал ли какое участие Данте в этих интригах партий, очень сомнительно: достоверно только то, что он в то время употребляем был для политических дел и был отправлен послом к Бонифацию VIII. Между тем Бонифаций, доброхотствуя Черным, как истым Гвельфам, отправил, вероятно по их же проискам, Карла Валуа, брата французского короля Филиппа Прекрасного, во Флоренцию под личиною миротворца. Начальство города приняло его с честью и, по принесении им клятвы в ненарушительном повиновении законам республики, уполномочило его преобразовать и успокоить республику. Вскоре однако ж он ввел в город вооруженное войско. Этой минутою воспользовались Черные, ворвались в город и пять дней к ряду опустошали его огнем и мечем. Карл не принял

Дойдут до крови: партия лесная,¹⁴⁴
Изгнав другую, навлечет ей срам.

67. Но чрез три солнца победит другая,¹⁴⁵
Изгнав лесных при помощи того,
Что лавирует, берег обгибая.¹⁴⁶

решительно никаких мер для прекращения этих смут и только заботился о том, чтобы всеми зависевшими от него средствами добыть поболее денег; вместе с тем он изгнал из города под различными предложениями всех неприязненных ему граждан, между прочими и нашего поэта с множеством Белых. Впрочем, многие из этой партии оставались в своих домах и после отбытия Карла из Флоренции (в 1302), и только в 1304 были окончательно изгнаны. Филалетес и Вегеле (Dante's Lebeu und Werke, 1852, 117 и д).

¹⁴⁴ Партия *лесная* (la parte selvaggia) — партия Белых, названная так потому, что ее предводитель Виеро был уроженец лесной провинции Вальди Ниеводе. К ней принадлежал Данте. — *Другая* партия Черных.

¹⁴⁵ Т. е. в истечении трех солнечных годов партия Черных победит Белых. Данте читает от изгнания Белых в Июне 1301 до 1304, когда окончательно были изгнаны Белые.

¹⁴⁶ В подлин: *che tette piaggia; piaggiare* (от *piaggia*) собственно: лавировать около берега, *louvoyer ie long de la cote*, отсюда в политике: *louvoyer*, играть двусмысленную роль (Vocabolario Dantesco par L. G. Blanc, 1852). — Здесь очевидно разумеется Бонифаций VIII (см. выше).

70. Чело подняв до неба самого,
Они врагу тяжелый гнет предпишут,
Хоть негодуй, хоть плачь он оттого.

73. Два правых там, но сло ва их не
слышат:¹⁴⁷
Гордыня, зависть, скупость — это три
Те искры, ими же сердца там пышат.»

76. Он смолк, терзаем горестью внутри,
И я: «Еще спрошу я у собрата,
Два слова лишь еще мне подари:

79. Друзья добра, Теггьяйо, Фарината
И Рустикуччи, Моска и Арриг
И прочие гонители разврата¹⁴⁸ —

¹⁴⁷ Ответ на второй вопрос Данта. Кто эти два правые, трудно решить. Думают, что Данте разумеет здесь себя и друга своего, Гвидо Кавальканти, что однако ж невероятно, потому что Гвидо был в числе тех Белых, которые, по совету Данта же, были изгнаны в Сарзану. Скорее можно допустить, что эти правые — Бардуччио и Джиованни да Веспиньяно, о которых упоминает флорентинский историк Виллани (Villani, X, 179).

¹⁴⁸ Не смотря на все грехи этих государственных людей

82. Ах, где они? поведай мне об них!
Узнать об них горю от нетерпенья —
В аду ль скорбят, иль рай лелеет их?» —

85. И он: «В числе чернейших! преступленья
Различные их повлекли ко дну:
Нисшед туда, увидишь их мученья.

88. А как придешь в ту сладкую страну,
Молю: пусть вспомнят обо мне живые.
Довольно! дождь меня гнетет ко сну.» —

91. Тут, искосив глаза свои прямые,
Он на меня взглянул, главу склонил
И пал лицом как прочие слепые.¹⁴⁹

94. И вождь сказал: «Надолго он почил:
Звук ангельской трубы его разбудит,

Флоренции, Данте не может не отдать справедливости великим их талантам. Все они, исключая Арриго, из благородной гибеллинской фамилии Физанти, помещены в более глубоких кругах: Фарината между ересиархами (Ада (X, 32)), Теггьяйо и Рустикуччи между содомитами (XVI, 41–44), Моска между сеятелями расколов (XXVII, 106). См. ниже.

Когда придет Владыка грозных сил.

97. На гроб печальный всех тот звук осудит,
Все восприимут плоть и образ свой,
Услышат то, что в век греметь им будет.»

100. Мы тихо шли под бурей дождевой,
Топча в грязи теней густые кучи
И говоря о жизни неземной.

103. И я: «Учитель, меры злополучий¹⁵⁰
Умножатся ль в день страшного суда,
Умалются, иль будут столько ж
жгучи?¹⁵¹» —

106. А он: «К науке обратись, туда,¹⁵²

¹⁵⁰ «Как глубокомысленно спрашивает Данте об отдаленной будущности и грядущем состоянии душ после воскресения мертвых в день страшного суда при виде грешников, прилепившихся всей их душою только к низкому настоящего!» Копишь.

¹⁵¹ В подлинн.: o saran sì cocenti.

¹⁵² Вирgiliй обращает его к Аристотелевой философии, которая учит, что существо, чем более совершенствуется, тем восприимчивее становится для радости и скорби. Св. Августин говорит: «Cum fiet resurrectio carnis, et honorum

Где сказано, что чем кто совершенней,
Тем больше зрит он благ, или вреда.

109. Хотя сей род, проклятый в злой геенне,
В век совершен не может быть вполне,
Ждет тем не мене казни утонченной.»

112. Мы обогнули путь сей в тишине,
То говоря, чего здесь не замечу;
Когда ж пришли, где сходят к глубине,¹⁵³ —

115. Враг смертных, Плутус, нам предстал на
встречу.¹⁵⁴

Песнь VII

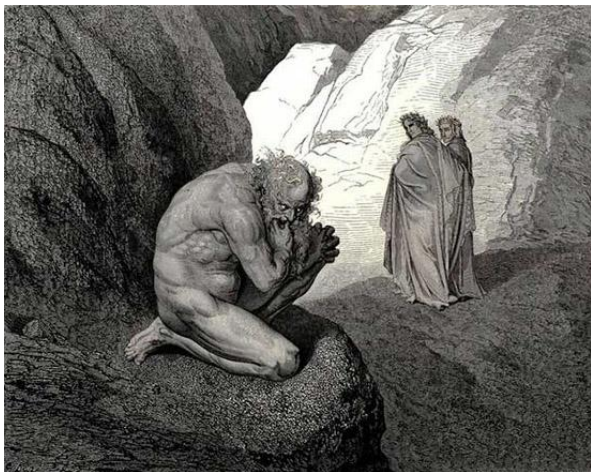
Содержание. Напомнив Плутусу падение
Люцифера и тем укротив его бешенство, Virgiliy

gaudia et malorum tormenta majora erunt»

¹⁵³ Они приходят к внутренней границе третьего круга, где
спуск в четвертый круг.

¹⁵⁴ Плутус, мифологическое божество богатства.

вводит Данта в четвертый круг. Здесь вместе наказуются скупые и расточители. С страшным воем вращают они огромные тяжести, каждый совершая свой полукруг, сходясь с двух сторон, сталкиваются с поносными речами и, расходясь, снова вращают свои камни на новую встречу. Узнав, что это большею частью духовные, папы и кардиналы, Данте хочет иметь подробные сведения о некоторых; но Virgiliy объясняет ему, что жизнь их была так безвестна, что никого из них нельзя узнать. До страшного суда продлится спор их; тогда скупые восстанут с сжатыми кулаками, а расточители остриженные. Поэтому поводу Virgiliy, намекнув о тщете даров счастья, изображает гения богатства — фортуну. Уже полночь; путники идут далее и, пересекши четвертый круг, достигают кипучего потока, образующего грязное болото — Стикс. Следуя по его течению, они приходят в пятый круг. Здесь, в мутных волнах адского болота, души гневных дерутся между собою и рвут друг друга зубами. Под водою, в болотной тине, погружены сердитые и завистливые: они, дыша под волнами, вздымают пузыри на их поверхности и, испуская клики, захлебываются. Поэты обгибают болото, делают по его берегу большой круг и, наконец, приходят к башне.

1. «*Pape Satan, pape Satan aleppe!*» 155

155 Непонятные и непередаваемые слова. Комментаторы, при всем старании, до сих пор не отгадали их значения. По мнению большей части из них, *pape* есть греческое *παλα*, или латинское *papae*, восклицание удивления; *aleppe* есть *aleph*, название первой еврейской буквы. Согласно с этим, слова Плутуса будут выражать его восклицание к Сатане, с выражением изумления при виде живого пришельца в ад. Смешением языков — греческого с еврейским — выражено то, что алчность к золоту, символом которой служит Плутус, бог богатства, свойственна всем языкам и народам. Итальянский ориенталист Ланци принимает слова эти за еврейские и переводит их на итальянский язык так: *Splendi, aspetto di Satana, splendi, aspetto di Satana primajo!* Другие

Так Плутус хриплым голосом вскричал;
Но мой мудрец, с кем шел я в сем вертепе,

4. Как человек всеведущий, сказал:
«Не бойся! сколько б ни имел он власти,
Не преградит нам схода с этих скал.»

7. Потом, к надутой обратившись пасти,
Вскричал: «Молчать, проклятый волк,
молчать!»¹⁵⁶

В самом себе сгорай от лютой страсти!

10. Не без причин схожу я в эту падь:¹⁵⁷

думают, что Данте из ненависти к папам, считая алчность их за причину всех бедствий, написал *rare* вм. *рарае*; в таком случае стих этот будет значить: папа Сатана верховнейший! Наконец Бенвенуто Челлини уверяет, что слова эти ничто иное, как восклицание, употреблявшееся в парижских судах: *Paix, paix, Satan, allez, paix!*

¹⁵⁶ Плутусу придав образ волчий, для обозначения его алчности (Ада I, 49).

¹⁵⁷ *Падь*, слово, сколько мне известно, мало употребительное, означающее глубокую долину (см. Словарь Церковно-Славян. и Русск. языка). Я решился употребить его как близко-выражающее италианск. слово.

Так *там* хотят, где мщеньем Михаила
Сокрушена крамольной силы рать.»

13. Как, спутавшись, надутые ветрила
Падут, как скоро мачту их снесло:¹⁵⁸
Так рухнула чудовищная сила.

16. Тут мы вошли в четвертое русло,
Сходя все ниже страшною дорогой
К берегам, вместившим всей вселенной зла.

19. О Боже правый! Кто сберет так много,
Как здесь я зрел, мучений и забот?
Почто наш грех карает нас так строго?

22. Как над Харибдой мчит водоворот
Валы к валам, дробя их в споре дивом:¹⁵⁹
Так адский здесь кружится хоровод.¹⁶⁰

¹⁵⁸ Этим сравнением превосходно выражена надутая спесь людей ничтожных, гордящихся одним земным блеском.

¹⁵⁹ Это сравнение заимствовано из особенного явления природы, «*rintorpo* », бывающего в Мессинском проливе, когда сильные ветры дуют против течения воды. Филалетес.

¹⁶⁰ *Здесь кружится хоровод*; в подлин.: *quj la gente riddi*. Слово *riddare*, в *Vocabolario della Crusca*, объяснено так:

25. Нигде я не был в сонме столь великом!
Здесь, с двух сторон, всем суждено вращать
Пред грудью камни с воплем, с страшным
криком,

28. Сшибаются два строя и опять
Катят назад, крича друг другу с гневом:
«За чем бурлить?» — «А для чего
держаться?»¹⁶¹ —

danzare, menar la ridda, ballo di molte peraone fetto in giro —
плясать особый танец, в роде хоровода. Этим словом Данте
выражает круговое движение осужденных в четвертом кругу.

¹⁶¹ «Картина, изображающая состояние души скупых и
расточителей, глубоко задумана и выполнена с
неподражаемым искусством. Тягостное, мучительное
стремление тех и других совершенно бесплодно: обе стороны
хлопочут только из того, чтобы, встретившись, прийти в,
враждебное столкновение. Обе стороны необходимы одна для
другой: скупые ищут расточителей, чтоб получить большие,
чем законно, выгоды, а расточители сближаются с скупыми,
чтоб приобрести новые средства к удовлетворению своей
наклонности к мотовству. Но как одни живут на счет других,
то естественным следствием их взаимного столкновения
бывает вражда, вражда мелкая, выражающаяся не презрением,
как в натурах сильных, но низкою бранью и взаимным
обвинением в противоположном грехе. Так и здесь мы видим
скупых и расточителей, вращающих перед грудью тяжести —
худопонятое богатство — с двух противоположных сторон

31. Так с двух концов — на правом и на левом —

По кругу мрачному, подъемля стон,
Вращаются с презрительным напевом.

34. И каждый, путь свершивши, принужден.
Катить назад полкругом в бой злословный.¹⁶²

круга, доколе в его середине они не столкнутся вместе: тогда укоряют они друг друга, сшибаются и опять без смысла и пользы катят назад свои камни, чтобы снова столкнуться с прежнею враждою.» Штрекфусс.

¹⁶² «Картина, изображающая состояние души скупых и расточителей, глубоко задумана и выполнена с неподражаемым искусством. Тягостное, мучительное стремление тех и других совершенно бесплодно: обе стороны хлопочут только из того, чтобы, встретившись, придти в, враждебное столкновение. Обе стороны необходимы одна для другой: скупые ищут расточителей, чтоб получить большие, чем законно, выгоды, а расточители сближаются с скупыми, чтоб приобрести новые средства к удовлетворению своей склонности к мотовству. Но как одни живут на счет других, то естественным следствием их взаимного столкновения бывает вражда, вражда мелкая, выражающаяся не презрением, как в натурах сильных, но низкою бранью и взаимным обвинением в противоположном грехе. Так и здесь мы видим скупых и расточителей, вращающих перед грудью тяжести — худопонятое богатство — с двух противоположных сторон круга, доколе в его середине они не столкнутся вместе: тогда

И я, до сердца скорбью потрясен,

37. Спросил: «Мой вождь, кто этот род
виновный?

Скажи мне: те постриженцы кругом,
Что слева, все ли из семьи духовной?»

40. И вождь в ответ: «Все, все они умом
В их прежней жизни столько были слепы,
Что никогда не знали мер ни в чем.

43. О том ясней твердит их вой свирепый,
Лишь с двух сторон сойдутся там вдали,
Где их грехи рождают спор нелепый.

46. Здесь кардиналы, папы здесь в пыли, —
Духовный клир с печатью постриженья:
Все в скупости безмерной жизнь вели.¹⁶³» —

49. — «Мой вождь,» спросил я с чувством

укоряют они друг друга, сшибаются и опять без смысла и пользы катят назад свои камни, чтобы снова столкнуться с прежнею враждою.» Штрекфусс.

¹⁶³ Со времен Иннокентия IV папский двор стал прибегать к самым недостойным средствам для приобретения себе денег.

омерзенья,

Могу ли я узнать хоть одного
В сей сволочи, вращающей камень?» —

52. А он: «Мечта пустая! до того
Их всех затмил мрак жизни их постылый,
Что ты узнать не можешь никого.¹⁶⁴

55. На вечный спор направлены их силы:
Те без волос, а эти, сжав кулак,
В великий день восстанут из могилы.¹⁶⁵

58. Здесь, обратив свет лучший в вечный
мрак,¹⁶⁶

Они теперь идут стеной на стену. —
И кто ж поймет смысл их безумных драк?

61. Вот здесь, мой сын, вполне познай измену
Даров, Фортуне вверенных судьбой,

¹⁶⁴ В этой низкой толпе нет ни одного грешника с именем.

¹⁶⁵ На итальянском языке есть пословица относительно мотов: *dissipare in sino ai pelli*, все промотать до самых волос.

¹⁶⁶ Свет лучший (в подл.: *lo mondo pulcro*) обозначает не райскую, но земную жизнь, помраченную пороком скупости.

Которым смертный дал такую цену.

64. Когда б собрать все злато под луной,
То и оно не даст пребыть в покое
Из этих душ усталых ни одной!»

67. — «Учитель,» я спросил, «но что ж такое
Фортуна, если у нее в когтях,
Как намекнул ты, благо все земное?¹⁶⁷» —

70. А он: «В каком невежестве, впотьмах,
Безумные, ваш род досель блуждает?¹⁶⁸
Храни ж мое учение в устах.

73. Тот, Чья премудрость миром управляет,
Создавши небо, дал ему вождей,
Да каждой части каждая сияет,

76. Распределяя равный свет лучей.
Так и земному блеску от начала
Он дал вождя, владычицу вещей,

¹⁶⁷ Фортуна есть добрый, Плутус злой гений богатства.

¹⁶⁸ Виргилий защищает фортуна от нападений Данта, который, придав ей когти, по-видимому, относит ее к числу адских, злобных сил.

79. Чтоб в род и род, из крови в кров меняла
Блеск суетный земного бытия
И ваше знание в ничто вменила.

82. За тем одним сей грозный судия
Готовит честь, другим позор, тревоги,
Скрываясь как под травой змея.

85. Ваш разум ей не пресечет дороги:
Она провидит, правит, судит свет,¹⁶⁹
Как сферами другие правят боги.¹⁷⁰

¹⁶⁹ По Аристотелевой философии, каждое небо имеет своего двигателя, свою интеллигенцию, которую оно приводит в движение. Древние эти силы называли богами, Платон назвал их идеями и полагал, что их столько, сколько в природе различных родов вещей: так, одна управляет всеми богатствами, другая всеми людьми и проч. По понятиям Данта, двигатели небес (*beati motori*) получают свою силу свыше и потом развивают ее повсюду (Рая II, 112–129), — И так Фортуна, согласно с учением Аристотеля, есть гений всех даров счастья, от нее зависят все перемены в земных благах, как от двигателей светил небесных их движение. Как интеллигенции разливают во вселенной небесный свет, отблеск славы Создателя, так Фортуна управляет земным блеском.

¹⁷⁰ Т. е. как другие интеллигенции, или боги, как называли их древние язычники, управляют сферами неба и светил

88. В ее временах перемежки нет;
Необходимость бег ей ускоряет,
За счастьем горе посылая вслед.

91.

.....

.....

94. Она ж не внемлет жалобам людским:
Блаженная, как первые творенья,¹⁷¹
Вращает в славе шаро м роковым.¹⁷² —

97. Теперь сойдем в круг бо льшого мученья?
Хор звезд, всходивших в час, как мы
пошли,¹⁷³

небесных.

¹⁷¹ Первые творения суть Ангелы.

¹⁷² Шар или Сфера Фортуны есть область земных благ, управляемая ею; сравнение взято от сфер неба, управляемых интеллигенциями.

¹⁷³ *Как мы пошли* относится к последнему стиху первой пес. Ада. Странствие Данта началось в конце дня, когда звезды восходили над горизонтом; теперь они склоняются: значит, полночь уже прошла, наступает 26 Марта или, по

Склоняется: пойдем без замедленья.» —

100. Мы пересекли этот круг и шли¹⁷⁴
К другому берегу, где поток тлетворный
Бежал, кипя и роя грудь земли

103. Волною больше мутною, чем черной,
И, по теченью мертвого ручья,
С трудом мы вниз сошли дорогой горной.

106. В болото, Стикс, вливалась струя

другим, 5 или 9 Апреля. Странствие поэта по сие время продолжалось шесть часов.

174 Поэты проходят в пятый круг, где казнятся души гневных. «Кипящий, мутный поток, образующий болотистое озеро Стикс, есть символ гнева, жар которого овладевает человеком и потемняет его рассудок. Волны потока, более мутные, чем черные, обозначают, что гнев есть следствие не столько злых наклонностей, сколько потемнения внутреннего света, внезапной потери самосознания. Здесь, на поверхности болота, гневные на самих себе испытывают, каким тяжким бременем были они для ближних на земле. Как люди злые и завистливые, они погружены в грязную стихию: они не могут произнести вполне ни одного слова, потому что мутная и злая среда, в которой живут они, ни на минуту не дает им сосредоточиться в самих себя, лишает их спокойствия и при каждом проявлении их внутренней жизни еще сильнее волнуется.» Штрекфусс.

Печальных вод, свергавшихся с стремнины
В зловердные и мрачные края.

109. И я, взглянув на грязные пучины,
Увидел в них несметные полки
Теней нагих и гневных от кручины.

112. Ногами, грудью, головой с тоски
Они дрались, не только что руками,
Зубами грызли плоть в куски, в куски.

115. И вождь: «Мой сын, стоишь ты пред
теньями,
Которых гнев привел в такой раздор,
И верь ты мне, что даже под волнами

118. Вдыхает их неистовый собор
И пузыри вздувает в сей трясине,
Как зришь везде, куда направишь взор.

121. Прислушайся, как вопят в адской
тине;¹⁷⁵
«Мы были злы в веселой жизни той,

¹⁷⁵ В тину погружены вероятно души тех, которые, в противоположность гневным, таили в душе своей, как медленный огонь, зависть и скрытую ненависть.

«Тая в себе дым медленный, и ныне

124. «Томимся здесь под тиною густой!»
Так в их гортанях клокотали клики,
Захлебываясь черною водой. —

127. Меж озером и берегом круг великий
Мы описали, с горестью сердец
Смотря на грешных, издававших крики,

130. Пока достигли башни наконец.

Песнь VIII

Содержание. На два сигнальные огонька с башни отвечает третий вдали над болотом. Между тем с быстротою стрелы несется по волнам челнок навстречу путникам: это ладья Флегиаса, кормщика адского болота. С бешенством окликает он Данта, но, укрощенный Вергилием, принимает поэтов в свою ладью. Они плывут. Тогда из воды поднимается тень флорентинца Филиппа Ардженти и силится опрокинуть ладью; но Вергилий отталкивает, а грешники увлекают свирепого флорентинца; он в бешенстве грызет самого себя. — Между тем страшные крики оглушают поэтов: они приближаются к адскому городу, *Дис*, с огненными башнями, окруженному глубокими рвами. У ворот

города поэты выходят на берег; но тысячи падших с неба ангелов возбраняют им вход. Виргилий ведет с ними переговоры; демоны согласны впустить Виргилия, но Данте должен один возвратиться. Он в ужасе. Виргилий, обещая не покидать его, снова переговаривает с демонами; но те пред его грудью запирают ворота города и оставляют поэта за порогом. Виргилий возвращается к Данту; он сам в сильном смущении, однако ж утешает живого поэта скорым прибытием небесной помощи.

1. Я продолжаю. Прежде, чем мы были¹⁷⁶
У основанья грозной башни сей,
В ее вершине взор наш приманили

¹⁷⁶ *Я продолжаю* (Io dico seguitando). К пояснению этих слов комментаторы приводят следующее предание: до своего изгнания Данте написал только первые семь песен, которые и остались во Флоренции. Спустя несколько лет после того, жена Данта между вещами, спасенными ею во время разграбления Дантова дома, нашла эту рукопись и немедленно отправила ее к Маркизу Морелло Маласпини в Луниджане, где в то время находился Данте, с просьбою передать рукопись поэту и убедить его продолжать начатую поэму. Таким образом, Данте опять получил свою собственность и словами: *я продолжаю*, связал нить прерванного рассказа. Впрочем, другие толкователи Данта сомневаются в истине этого предания.

4. Два огонька, блеснувшие на ней;¹⁷⁷
Знак подавал им пламень одинокий
В дали, едва доступной для очей.

7. И, в море знаний погружая око,
Спросил я: «Вождь, кто знаки подает?
Что огонькам ответил огонь далекий?»

10. И вождь в ответ: «Над зыбью грязных вод
Не видишь ли, кто мчится к нам стрелою?
Иль для тебя он скрыт в дыму болот?»

13. Лук с тетивы с подобной быстротою
Не мечет стрел на воздух никогда,
С какой, я зрел, над мутною волною

16. На встречу к нам стремился челн тогда;
Его рулем один лишь кормщик правил,
Крича: «Злой дух, пришел и ты сюда?» —

19. — «Флегьяс, Флегьяс! ты к нам вотще
направил,¹⁷⁸»

¹⁷⁷ Два огонька дают знать перевозчику, что прибыли двое, третьим отвечает сам перевозчик на поданный ему сигнал. Ландино.

¹⁷⁸ Флегиас, царь Лапитов, мстя за дочь свою,

Сказал мой вождь: «свой крик на этот раз:
Мы здесь за тем, чтоб нас ты переправил.» —

2 1. Как злится тот, кто выслушал рассказ
О том, какой над ним обман свершился,
Так бешенством объят был Флегиас.

25. Вождь сел в ладью, за ним и я спустился,
И лишь тогда, как сел я близ вождя,
Летучий челн, казалось, нагрузился.¹⁷⁹

обольщенную Аполлоном, завоевал Дельфы и сжег Аполлонов храм. Уже для древних этот грех казался так ужасен, что они поместили Флегиаса в Тартар.

Виргилий (Aen. VI, 618 et s.) говорит об нем:

Phlegiasque miserrimus omnes
Admonet et magna testatur voce per umbras:
Discite justitiam moniti et non temnere divos.

Весьма глубокомысленно Данте сделал его перевозчиком, переправляющим души через болото гневных, сквозь чад, испаряемый этим болотом, в адский город, защищаемый возмущившимися ангелами и населенный неверующими. — Обращение Флегиаса в единственном числе означает гнев, который не позволяет ему видеть, сколько прибыло. Ландино.

¹⁷⁹ Данте своим телом обременил легкую ладью, предназначенную для перевоза теней. — Подражание Виргилию. Aen. VI 413.

28. И лишь мы сели, древняя ладья
Как молния помчалась издалека,
Зыбь глубже, чем когда-нибудь, браздя.

31. Так плыли мы вдоль мертвого потока;
Вдруг весь в грязи дух выплыл из ручья,
Вскричав: «Кто ты, идущий прежде
срока?» —

34. А я: «Иду, но не останусь я;
Но кто ты сам, весь в тине, безобразный?» —
И он: «Ты видишь: плачет тень моя!» —

37. «Так плачь же, дух проклятый,
безотвязный!»
Воскликнул я: «и множь печаль свою!
Теперь узнал я, кто ты, призрак грязный!»

40. Тогда схватил руками он ладью*
Но оттолкнул его мой вождь, взывая:
«Прочь, к псам другим! или в свою семью!»

43. Потом, обняв меня, в уста лобзая,
Сказал мне: «Будь благословенна в век
Зачавшая тебя, душа живая!»¹⁸⁰

46. Он на земле был гордый человек:
Жизнь не украсив добрыми делами,
Теперь нам путь он в бешенстве пресек.

49.

.....

.....

52. И я: «Мой вождь, желал бы я взглянуть,
Как страшный грешник в волны погрузится,
Пока наш челн окончит дальний путь.» —

55. И мне учитель: «Прежде, чем домчится
Ладья к брегам, дождешься ты конца:
Сим зрелищем ты должен насладиться.»

58. Тут видел я, как душу гордеца
Толпы теней, терзая, вглубь умчали,
За что досель благодарю Творца.

61. «Филипп Ардженти, к нам!» они
кричали,¹⁸¹

отвращение от порока, но одобряет справедливый гнев.

¹⁸¹ Филиппо Ардженти, очень богатый флорентинец из фамилии Кавуччиули, ветви Адимари, прозванный *Ардженти*

А дух безумный флорентинца сам
Себя зубами грыз и рвал с печали.

64. Но замолчим, его оставим там! —
Тут страшный вопль пронзил мне слух: заране
Взирать не стало сил моим очам.

67. И вождь: «Мой сын, уж виден град в
тумане,

Зовомый *Дис*, где, воя и стена,¹⁸²
Проклятые столпилися граждане.»

70. И я: «Уже предстали пред меня¹⁸³

за то, что подковал свою лошадь серебряными подковами, был, по словам Боккаччио (*Decam. IX, 8*) очень вспыльчив, так, что при малейшем поводе приходил в неистовый гнев. — Адимари были Черные и личные враги Данта.

¹⁸² Адский город (слич. Ада III, 3), названный *Дис* (одно из названий Плутона или Люцифера), составляет шестой круг ада, отделенный от пятого (болотистого Стикса) стеною и глубокими рвами. Многие думают, что Данте заимствовал идею об адском городе у Вергилия (*Aen. VI, 549 ets.*)

¹⁸³ Назвав башни адского города мечетями, Данте придает ему характер демонского города, а вместе с тем дает знать, что населяющие его грешники не следовали в жизни учению Христовой Церкви.

Багровые мечети в дымном смраде,
Восставшие как будто из огня.¹⁸⁴

73. И вождь: «Горит огонь вечный в их
ограде,¹⁸⁵
И раскаляет стены проклятых,
Как видишь ты в глубоком этом аде.¹⁸⁶» —

76. Меж тем челнок глубоких рвов достиг,¹⁸⁷

¹⁸⁴ «Subverti vos, sicut subvertit Deus Sodomam, et Gomorram, et facti estis quasi torris raptus ab incendio.» Vulg. Amos. Cap. 4, 11.

¹⁸⁵ Вечный огонь, раскаляющий стены адского города, есть тот самый божественный свет любви и истины, который в чистилище возжигает надежду, а в раю составляет высочайшее блаженство душ или светов; но в аду он уже не светит и не согревает врагов Божьих, отрехшихся от божественной любви, но не возмогших совершенно от ней отрешиться. Эта глубокая идея проведена, как мы увидим, во всей поэме Дантовой (Ада XIV, 28, XV, XIX, 25, XXVI, 42; Чистил. XXV, 112 и Рая V, 118). Копишь и Рут.

¹⁸⁶ *Глубоким адом* Виргилий называет следующие круги в отличие от вышележащих, в которых наказуется одно только невоздержание, тогда как ниже наказуются злоба и грех дикой животности. (См. Ад. XI, 79).

Облегших вокруг твердыни безутешной;
Железными почел я стены их.

79. Челн, сделав круг великий, в тьме
кромешной,
Причалил там, где мощный кормщик-бес:
«Вот дверь!» вскричал: «идите вон
поспешно!¹⁸⁸».

82. Над входом в град, я зрел, тьмы тем с
небес¹⁸⁹

¹⁸⁷ Воды Стикса вливаются во рвы вокруг города, а потому в них можно проникнуть из этой адской реки. Филалетес.

¹⁸⁸ Тут вступаем мы в шестой круг, где наказуются еретики, особенно основатели еретических сект (ересиархи).

¹⁸⁹ «Здесь, на рубеже истинного глубокого ада, Данте видит толпы ангелов, свергнутых с неба с Люцифером. Они, столько же с яростью, сколько и с предусмотрительностью, заграждают вход пришельцу, руководимому разумом. Еще разум они и согласны были бы принять (ст. 89.), вероятно, с целью овладеть им и тем лишить странника его руководства; но человека, ведомого разумом, они уже никак не хотят впустить. Им непременно хочется отпустить Данта одного без Виргилия: оставленный разумом, человек неминуемо становится жертвою заблуждения, которое и наказуется в этом огненном городе. Виргилий передает им волю неба, но демоны запирают врата города: они не хотят

Низринутых, которые сурово
Вопили: «Кто вступает в царство слез?

85. Живой кто входит к мертвым, странник
новый?»

Но мудрый мой наставник подал знак,
Что хочет тайное сказать им слово.

88. Тогда, на миг притихнув, молвил враг:
«Войди один, а он да удалится,
Он, что так смело входит в вечный мрак.

91. Пусть он путем безумным возвратится,
И без тебя — тебя мы впустим в град —
Коль знает, пусть в обратный путь
стремится.»

94. Читатель, сам подумай, как обьят
Я страхом был от грозных слов: обратно
Не думал я уже придти назад.

уже слушать разума, как скоро он говорит им о повиновении Богу. Но Виргилий не теряет упования на высшую силу: она, как враг всякой лжи, как непреложная защитница истины, должна рано или поздно явиться на помощь уповающему.»
Копишь и Штрекфусс.

97. «О милый вождь, который семикратно¹⁹⁰
Спасал меня и избавлял в беде,
Где погибал уже я невозвратно, —

100. Не кинь меня,» я рек, «в такой нужде,
И, если ад идти мне не дозволил,
Пойдем назад! будь мне щитом везде!»

103. Но он, мой вождь, мне в сердце бодрость
пролил,
Сказав: «Будь смел! дороги роковой
Нам не прервут; так жребий соизволил.

106. Жди тут меня и дух унылый свой
Крепи, питай надеждою благою:
В сем мире я не разлучусь с тобой.

109. С моим отцом расстался я с тоскою:
В моей главе, исполненной тревог,
И *да* и *нет* сражались меж собою.¹⁹¹

112. Что рек он им, расслушать я не мог,

¹⁹⁰ Здесь определенное число поставлено вместо неопределенного.

¹⁹¹ Возвратится он, или нет?

Но он не долго с ними находился,
Как все враги укрылись за порог

115. И вход ему пред грудью затворился;
Владыка мой оставлен был совне
И медленно ко мне он возвратился.

118. Потупив взор, утративший вполне
Все мужество, он говорил, вздыхая:
«Кто в дом скорбей пресек дорогу мне?»

121. И мне потом: «Мой гнев в лице читая,
Ты не страшись: мы победим их хор,
Чтоб ни творил он, град свой охраняя.

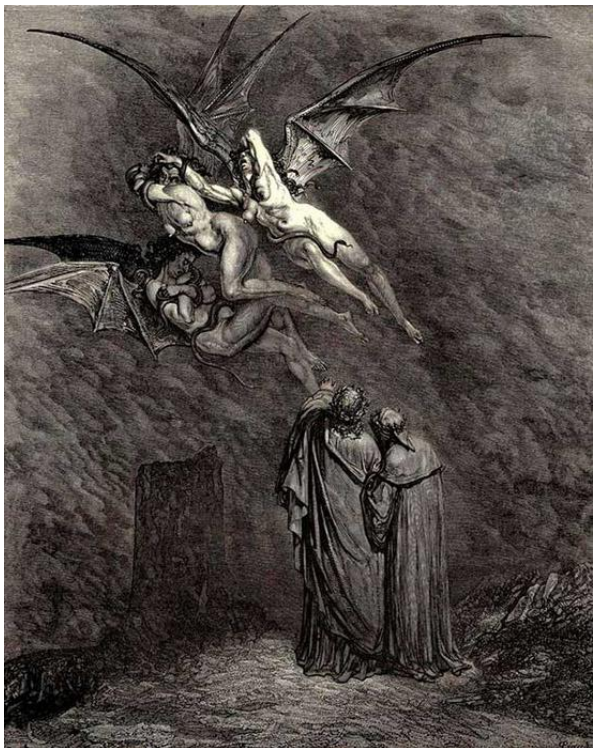
124. Уже не нов такой его отпор:
Он явлен был у врат первоначальных,
Что каждому отворены с тех пор.

127. Над ними зрел ты надпись слов
печальных;
И уж оттоль нисходит вглубь теперь
И, без вождя, грядет в пучинах дальних

130. Тот, кто для нас развернет в крепость
дверь.»

Песнь IX

Содержание. Виргилий, тщетно ожидая небесной помощи, в недоумении говорит сам с собою. Устрашенный очевидным колебанием учителя, Данте спрашивает: случилось ли кому-нибудь из обитателей лимба спускаться на дно ада, и узнает, что Виргилий уже и прежде сходил в самый последний круг адской бездны. Между тем на вершине башни являются три адские фурии: Мегера, Алекто и Тизифона. Они с криком раздирают себе грудь когтями и, глядя на Данта, зовут Медузу, чтобы превратить его в камень. Тогда Виргилий оборачивает Данта к ним спиной и сам закрывает ему очи руками. Тут страшный гром потрясает волны Стикса, и Данте, открыв очи, видит приближающегося Ангела, который, с жезлом в руке идет по вашим Стикса, как по суше. Тени гневных и демоны убегают от него в ужасе, а врата адского города разверзаются сами собою. Укротив ярость демонов напоминанием бесполезности сопротивления, ангел отходит обратно. Беспрепятственно входят тогда поэты в город, и взору Данта представляется необозримое поле, изрытое могилами, в которых и между которыми пылает пламя. Это шестой круг ада, где, скрытые в могилах, наказуются еретики, особенно основатели еретических сект. Поэты продолжают шествие и, повернув направо, идут между стеною крепости и могилами.

1. Едва мой вождь заметил цвет боязни
В моем лице, он тотчас сумрак свой
Прогнал с чела улыбкою приязни.

4. Как внемлющий, стоял он предо мной,

За тем, что вдаль не мог вперить он взоры
Сквозь воздух черный и туман густой.

7. «Мы сокрушим их адские затворы...
А если... нет... ведь *тот* мне обещал ...
Как медлить он, помощник наш

нескорый!¹⁹²»

10. Я видел ясно, как он прикрывал
Последним то, что высказал сначала,
И речи первой смысл иной давал.

13. Тем больший страх мне речь его внушала,
Что тайный смысл отыскивал я в ней,
Быть может, худший, чем она скрывала.

16. «На дно печальной раковины сей¹⁹³

¹⁹² В этих недосказанных фразах выражено волнение Виргилия. Сперва он старается успокоить себя и Данта, потом, в прерванном предложении, выражает сомнение на счет прибытия обещанной помощи, наконец, опять вспоминая о обещании им покровительства, заключает речь свою нетерпением по причине медленного явления желанной помощи.

¹⁹³ *Печальная раковина* (в подлинн.: *la trista conca*). Так называет Данте воронкообразную бездну ада, которой концентрические уступы действительно имеют сходство с

Сходили ль прежде души с той ступени,
Где без надежд вздыхает сонм теней?¹⁹⁴» —

19. Так я спросил; а он: «Из нашей сени
В глубокий ад, в который ты вступил,
Не многие досель сходили тени.

22. Но я в сей град однажды призван был
Волшебницей, что силу чар имела
В плоть облекать отшедших в мрак могил.

25. Едва сложил с себя я узы тела,

заворотами раковины (см. Ада IV, прим. к 7–8). Из переводчиков Данта один только Ратисбонн, недавно издавший свой перевод Ада на французский язык, удержал эту метафору:

— «Jamais,» lai demandai-je, «en cette triste
conque»
A-t-on va pénétrer! maître, un esprit quelconque
Condamné seulement a languir sans espoir?»

¹⁹⁴ Данте, видя колебание Virгилия, начинает сомневаться, в состоянии ли его учитель вести его далее. По этому, он желает знать: знакома ли самому Virгилию дорога в ад; но вопрос свой предлагает он с той нежностью, которую требует его отношение к Virгилию как ученика к учителю. (См. Ад. III, прим. к ст., 79).

Как тень извлечь она велела мне
Из темного Иудина предела.¹⁹⁵

28. Сей мрачный круг лежит на самом дне,

¹⁹⁵ Волшебница, о которой здесь говорится, есть Эрихто из Фессалии, которая в поэме Лукана (*Pharsal. VI, 727 et s.*) вызывает из могилы, по просьбе Помпея младшего, душу одного умершего, чтобы узнать от него окончательный исход гражданской войны. Это случилось спустя 30 лет после смерти Вергилия; но Эрихто, его современница, могла пережить поэта и своими заклинаниями заставить его сойти в ад за душою, о которой говорит Лукан. По мнению Каннегиссера, весь этот поэтический вымысел имеет значение чисто-аллегорическое, именно Вергилий хочет сказать, что он уже сделал опыт сошествия в ад в своей Энеиде, так, что под именем его первого схождения в ад должно разуместь изображение подземного мира в VI песне Энеиды, к чему он был подвигнут и одушевлен Эрихто, волшебницею, т. е. поэзиею, и притом в молодости, при первом пробуждении в нем мыслительной силы, при первой победе его духа над материею, ибо Энеида принадлежит к его ранним творениям. Даже указание Вергилия, что он сходил в самый нижний круг, в круг Иуды, в четвертое отделение девятого круга, есть, по мнению Каннегиссера, намек на то, что Сивилла, описывающая Энею тартар и его муки, заканчивает свое изображение ада казнью изменников (*Aen. VI, 608–624*). — С большею вероятностью однако ж полагает Копишь, что Данте воспользовался здесь какою-нибудь средневековою, теперь утраченною, легендою из, цикла сказания о чародействе Вергилия (Ада I, прим. к 70–72).

Всех далее от высочайшей сферы;¹⁹⁶
И так смелей! я знаю путь вполне.

31. Обвит болотом, в смрадном дыме серы,
Сей град скорбей, куда без гнева нам¹⁹⁷
Нельзя войти в подземные пещеры.» —

34. Что рек еще, теперь не вспомню сам:
Мой взор, мой ум тогда манили стены
Высокой башни к огненным зубцам,

37. Где вознеслись три Фурии геенны,
Имевшие свирепых женщин вид,
И кровью обрызганные члены.

40. Их пояс был из гидр зеленых свит;
Не волосы им обвивали лица,
Но аспиды, керасты Эвменид.¹⁹⁸

¹⁹⁶ В подлин.: *più lontan dal ciel, che tutto gira*. Здесь должно разуместь или небо вообще, или высшее небо, эмпиреи в особенности (Ад. I, прим. к 127).

¹⁹⁷ *Без гнева*, т. е. без справедливого, благородного негодования (Ад. VIII, 44–45).

¹⁹⁸ Керасты, особый род ядовитых змей с рогами (*coluber cerastes*)

43. И он, узнав служительниц царицы¹⁹⁹
Рыданий вечных, тихо молвил мне:
«Вот Фурии, три стража сей темницы.²⁰⁰

46. Мегера там на левой стороне,
Алекто справа плачет в горе диком,
А Тизифона между них!» — Они

49. Когтями перси раздирали с криком,
Стуча в ладони с бешенством таким,
Что, в ужасе, к певцу припал я ликом.

52. «Медуза, к нам! их в камень

¹⁹⁹ Царица вечных рыданий — Геката или Прозерпина, на Олимпе чтимая как Луна или Диана (Ада X, 79 и примеч.).

²⁰⁰ Фурии или Эриннии, по одним, символ отчаяния, по другим — поколебавшейся веры в Бога. — Данте удержал их тройственное число, определенное уже и в мифологии, во-первых, потому, что три есть число таинственное, во-вторых потому, что оно напоминает тройственное число животных в первой песни, наконец потому, что соответствует трем родам грехов, наказуемых за стенами адского города: ереси, насилию и обману. Каннегиссер.

превратим!²⁰¹

Так, вниз глядя; из всей взывали мочи:
«Позор, когда Тезею не отмстим!²⁰²» —

55. «О, отворись! закрой руками очи!
Когда узришь Горгону пред собой,
Уж не придешь назад из вечной ночи.» —

58. Так вождь сказал и к ним меня спиной
Сам обратил и, к моему спасенью,
Закрывл мне очи собственной рукой. —

61. О вы, чей ум способен к размышленью,

²⁰¹ Медуза, одна из прекрасных Горгон (почему и названа она в ст. 56 Горгоною), была обольщена Нептуном в храме Паллады, богини мудрости; за то богиня превратила в змей ее прекрасные волосы, так пленившие Нептуна, а голову, отсеченную по ее же повелению Персеем, поместила на своем щите, дав ей силу превращать в камень каждого, кто на нее взглянет. — О значении головы Медузы см. ниже.

²⁰² Тезей содействовал другу своему Перитою в его отчаянном предприятии — похитить Прозерпину. Оба они были закованы в цепи Фуриями, но Тезей был избавлен впоследствии Геркулесом. Фурии теперь сожалеют, что они не удержали и не наказали Тезея, ибо этот пример их слабости возродил еще в другом из живущих на земле — в Данте — дерзкую мысль сойти в ад.

Под покрывалом странных сих стихов
Сокрытому дивитесь ученью!²⁰³ —

64. И вот по гребням вспененных валов

²⁰³ Здесь в первый раз Данте указывает читателю на глубокий смысл, таящийся под внешнею оболочкою своих стихов: во всей поэме он неоднократно напоминает об этом. Какой именно смысл скрывается в особенности в этой песне, комментаторы объясняют различно. По мнению Штрекфусса, Фуріи, как стражи шестого круга, где наказуются еретики, суть символы того фанатизма и ожесточения, которыми во все времена отличались последователи сект, особенно недавно возникших; в том же смысле и голова Медузы есть олицетворенная ересь, которая, как доказывает быстрое распространение всех новых сект, каждого, обращающего на нее взоры, готова вовлечь в свое заблуждение и тем лишить духовной свободы. — Копишь в змеиновласой голове и окаменяющем взгляде Медузы, прекрасной поругательницы храма мудрости, видит символ могущества духовного греха, который отчуждает душу от божественной жизни и Бога, превращая ее как бы в мертвый, немой камень. За стенами, пред которыми стоят теперь поэты, в глубоком истинном аде, нет ни одной души, грехи которой проистекали бы из естественных побуждений; напротив, все здесь наказуемые грешники опозорили силу духа, дав ему превратное, неестественное направление. По этому, человек, всею силою ума и разума, должен уклоняться от грехов духа, от этой головы Медузы с окаменяющим взором. Этим объясняется ревность Вергилия (разума), с которою он укрывает своего ученика от страшного видения.

Пронисся треск со звуком, полным страха,
Потрясший высь обоих берегов.

67. Так вихрь, рожден борьбой жаров из
праха.²⁰⁴

Неистовый несется прямо в лес
И, на него обрушившись, с размаха

70. Ломает ветви, валит пни древес
И, пастухов гоня с полей со стадом,
Уходит горд, пыль взвивший до небес.

73. Тогда мой вождь: «Проникни смелым
взглядом
Над пеной древних волн до рубежа,
Где дым с болот встает острейшим чадом.»

76. Как мечутся лягушки от ужа,
Их недруга, и кучей в тине лужи
Лежат на дне: так, воя и дрожа

²⁰⁴ От слияния холодного ветра с теплым возникает ветер. Данте вероятно имел в виду слова Цицерона: «Placet Stoicis eos anhelitus terrae, qui frigidi sint, cum fluere coeperint, ventos esse: cum autem se in nubem induerint, ejusque tenuissimam quamque partem coeperint dividere, atque dirumpere, idque crebrius facere, et vehementius, tum et rolgura et tonitrua existere.» *Ci.c De divinat. Lib. II, 44. Ломбарди**

79. От ужаса — я видел — мчались души,
Смущенные явлением того,
Что проходил по Стиксу как по суше.

82. Он шуйцей гнал от лика своего
Густой туман, мглу черную как смо лу,
И мрак, казалось, утомлял его.

85. Я понял вмиг, что он смирит крамолу,
И на вождя взглянул: он дал мне знак,
Чтоб я молчал, и взор потупил долу.

88. О, как разгневан был горящий зрак!
Достигнув врат, он жезл поднял железный
И вмиг пред ним разверз их лютый враг.

91. «О подлый род, изгнанный с тверди
звездной!»

На страшном праге рек он им в ответ:
«Кто в вас возжег дух злобы бесполезной?»

94. Что попить ту волю, тот завет,
Что пред собой все сокрушает грани?
Колико крат то было вам во вред?

97. Зачем рога устави́ли для браня?
Не ваш ли пес — о вспомни, дерзкий

Несет на вые след могучей длани?»

100. Он вспять отшел путем нечистых вод,
Не обменясь в тот миг ни словом с нами, 206
Как человек, под бременем забот,

205 Согласно с древним мифом, Геркудес, низойдя в ад, наложил цепь на выю Цербера и извлек его из ада: намек на бесполезность сопротивления высшей воле и силе. — Цербер тут есть только символ строптивости, или самого Люцифера, а слова: *о вспомни* и пр., указывают или на падение Сатаны, или на спасение человека. Каннегиссер.

206 По замечанию одного старинного комментатора, Ангелы начинают говорить с Дантом только в Чистилище: это потому, что Данте в странствовании своем по аду еще не очищен от грехов, но созерцает и действует, еще покрытый ими, или, лучше сказать, есть представитель греха других. — «Не трудно отгадать, кто этот Ангел, являющийся теперь на помощь Данту, руководимому Virgiliem. Не ту же ли божественную силу мы видим везде в истории человечества, в те времена, когда люди в ослеплении начинают борьбу против воли провидения. Значение этой воли: человек, цель твоя стремление вперед! Среди разгрома бури свершается эта воля там, где встречает себе сопротивление. А когда Господь яростью гнева своего наказует сопротивляющихся, тогда отдельные личности важны пред судом Его, поскольку они нужны как часть неизмеримого целого.» Штрекфусс.

103. Не зрит того, что пред его очами. —
И в крепость мы направили стопы,
Подкреплены святыми словесами.

106. Тут нам никто не возбранял тропы,
И я, вступив в пределы стен высоких,
Чтоб видеть казнь томящейся толпы,

109. Окинул взором край пучин глубоких
И зрел со всех сторон простор полян,
Исполненных скорбей и мук жестоких.

112. Как близко Арля, где не быстр Родан,
Иль как у Полы, где залив Кварнары²⁰⁷
Грань омывает италийских стран, —

115. Могилами изрыты крутояры:

²⁰⁷ Арль, город Прованса на реке Рони, где она умеряет быстроту течения, образуя по берегам своим топкие болота. Пола, город в Истрии, при заливе Кварнаро или Кварнеро (*Sinuts fanaticus* древних, названный так по причине опасного в нем мореплавания). В окрестностях этих городов находится множество могильных курганов, о происхождении которых существуют различные предания; между прочим архиепископ Тюрпин, упоминая в своей «Истории Карла Великого,» о курганах близ Арля, называет их кладбищем семи святых епископов.

Такую здесь увидел я страну,
Но вид ее был полон горшей кары.

118. Огонь, змеясь между могил по дну,
Их раскалял с такой ужасной силой,
Как никогда не плавят сталь в горну.

121. Покров висел над каждою могилой
И вопль глухой к нам неся из могил,
И этот вопль был плач толпы унылой.

124. «Учитель мой, кто это,» я спросил:
«Казнится здесь под сводами так строго?
И почему их голос так уныл?»

127. И он: «Здесь казнь еретикам от Бога!»²⁰⁸

²⁰⁸ Еретики, особенно учителя ереси (eresiarehe), воспринимающие казнь в шестом кругу ада, заключены в могилах, раскаляемых пламенем. Крыши с могил, или собственно с гробниц, приподняты (sospesi, т. е. стоят в полунаклонном положении так, что готовы упасть каждую минуту); но в день страшного суда они упадут и закроют могилы навеки (Ада X, 10). Всякое поколебание веры в Бога, всякое отрицание жизни божественной, а, стало быть, и бессмертия души, по учению Данта, есть уже ересь. По этому, в шестом кругу содержатся неверующие, вольнодумцы, атеисты, материалисты, эпикурейцы, еретики всякого рода, а не сектаторы, основатели ложных религий и расколов, произведшие раздел и тревоги между людьми: последние

Здесь секты всех родов поднимают стон!
Ты не поверишь мне, как здесь их много!²⁰⁹

130. С подобным здесь подобный заключен

помещены ниже (Ад. XXVIII). Ривароль. «Отвергнув существование вечной жизни, еретики и их лжеучители заключены теперь в тесные пределы раскаленных гробов; только теперь сознают они всю узость своего мудрования, и это сознание объемлет их в образе тесного гроба, раскаляемого, но не освещаемого, тем самым светом вечной истины, который они отвергли, тем пламенем, который не вредил Беатриче (Ад. II. 93), в котором души очищающихся живут надеждою (Ада I, 118) и который для праведных составляет источник их блаженства (Ада VIII, прим. к 73). Еретики запрутся в судный день с телами в могиле: это значить, что они останутся навсегда неспособными, как бы умершими для блаженства вечной жизни: отвергнув ее существование, они совершили над собою как бы духовное самоубийство. Как самоубийцы настоящие (Ада XIII, 103–106) навсегда будут лишены своего тела, так и духовные никогда уже не увидят радостей божественной жизни. Тесные пределы их гробов, пылающих светом божественной истины, есть сущая противоположность свободному круговращению блаженных в самой крайней сфере небесного света. Узкое поле их воззрения есть их собственная мука.» Копишь.

²⁰⁹ Другими словами: еретиков гораздо более, нежели сколько ты думаешь. Кажется, это намек на великое множество сект, распространившихся по Италии во времена Дантовы. Филалетес.

И разный жар вмещают их гробницы.»

И, повернув на право, вышел он

133. Меж полем мук и крепких стен
бойницы.»

Песнь X

Содержание. Поэты идут между стенами города и могилами. Последние открыты, но в день страшного суда закроются; в них погребены Эпикур и его последователи, полагавшие, что душа умрет вместе с телом. Из глубины одной из них раздается голос, взывающий к Данту, и вслед за тем поднимается до пояса тень Фаринаты, предводителя Гибеллинов. Он спрашивает Данта о его предках и, узнав, что они были заклятые враги его Гвельфы, говорит с негодованием, что он два раза изгнал их из Флоренции. На это Данте отвечает, что его предки каждый раз возвращались из изгнания, чего не удавалось партии Фаринаты. Пока говорят они, из могилы, не далеко от Фаринатовой, поднимается другая тень: это Гвельф Кавальканте Кавальканти. Он спрашивает, почему Гвидо, сын его и друг Данта, не пришел вместе с ним, и, заключив ошибочно, что сын его умер, опрокидывается в могилу. Между тем Фарината, не обращая внимания на упавшего, продолжает прерванный разговор,

предсказывает Данту изгнание и, узнав о причине преследований, направленных флорентинцами против Гибеллинов, с гордостью вспоминает, что он один спас родной город от разрушения; наконец, разрешив Данту некоторое сомнение насчет способности грешников видеть будущее и указав из числа теней, вместе с ним наказуемых, на императора Фридриха II и кардинала Убальдини, исчезает в могиле. Данте с горестью возвращается к Вергилию, который, утешая его, напоминает ему Беатриче, от которой Данте должен узнать истинный путь к божественной жизни. Поэты идут налево к центру города, чтобы спуститься в глубокую долину, со дна которой поднимаются зловонные испарения.

1. Вот узкою тропинкой, меж стенами
Сей крепости и зрелищем скорбей,
Пошел мой вождь, а я за раменами.

4. «О высший ум, с кем в адской бездне сей
Вращаюсь я, твоей покорный воле, —
Наставь меня премудростью своей.

7. Могу ль узреть» спросил я: «в этом поле
Томящихся в могилах? крыши с них
Приподняты и стражи нет уж боле.»

10. А он в ответ: «Запрутся все в тот миг,

Когда придут с полей Иосафата
И принесут тела из недр земных.²¹⁰

13. Тут погребен со школою разврата
Тот Эпикур, который мир учил,
Что с телом дух погибнет без возврата.²¹¹

16. Здесь твой вопрос, что мне ты предложил,
А вместе с тем и тайное сомненье
Сейчас решатся в лони сих могил.^{212»}

²¹⁰ Юдоль Иосафата, около Иерусалима, будет местом страшного суда, согласно с пророком Иоилем (Гл. III, 7). Туда соберутся все племена земные, и оттуда души, вместе с телами, возвратятся в страну блаженства, или осуждения, и тогда только грешники вполне восчувствуют весь ужас присужденных им казней (Ад. VI, 94–96 и XIII, 103–108). По объяснению прежних толкователей, могилы еретиков закроются после страшного суда потому, что по воскрешении мертвых, ересь прекратится и, следовательно, не будет более неверующих (см. Ад. IX, примеч. 127).

²¹¹ По понятиям Данта, название еретика заслуживают все, коих религиозных понятия уклоняются от учения Христовой Церкви, хотя бы эти неверующие и не принадлежали к числу христиан и даже жили до Христа между язычниками. Потому в число еретиков помещает он и язычника Эпикура с его школою, учившего, что душа умирает вместе с телом.

²¹² Вопрос Дантов состоял в том, можно ли видеть

19. Но я: «Мои вождь, души моей мышление
Я утаил для краткости в речах,
К чему ты сам давал мне наставление.²¹³» —

22. «Тосканец, ты, что в огненных стенах
Живой ведешь беседу так прекрасно,
Благоволи помедлить в сих местах!

25. Звук слов твоих мне обнаружил ясно,
Что в благородной ты стране возник,
Где, может быть, клянут меня напрасно.» —

28. Внезапно здесь исторгся этот крик
Со дна могил и, ужасом объятый,
Я к моему учителю приник.

31. «Что делаешь?» сказал мне мой вожатый:
«Оборотясь: перед тобой возстал

грешников, заключенных в этих гробницах, при чем он не высказал Виргилию тайного своего желания узнать об участии своих сограждан, Фаринаты и Кавальканте, которых эпикуреийский образ мыслей был ему хорошо известен.

²¹³ Эти слова относятся или к наставлению, сделанному Данту Виргилием в III пес. Ад., или к сжатости Виргилиева стиля вообще, достигшей у нашего поэта высшей степени.

До пояса дух гордый Фаринаты.²¹⁴»

34. К его лицу я взоры приковал;
А он восстал, подняв чело и плечи,
Как будто ад и муки презирал.

37. И меж гробов к герою страшной сечи
Толкнул меня поспешно мой певец,
Сказав: «Твои да будут кратки речи!»

40. Когда ж у гроба стал я наконец,
Дух, на меня взглянув, почти с презреньем
Спросил: «Кто предки у тебя, пришлец?»

43. А я, пред ним стоя с благоговеньем,
Не утаив, все высказал вполне.

²¹⁴ Фарината, победитель при Арбии (см. выше). Современники считали его за величайшего атеиста, утверждавшего, что все в этой жизни кончается со смертью, а потому думавшего, что не должно отказывать себе ни в каких удовольствиях. По этой причине Данте поместил его между эпикурейцами и даже искал его в третьем кругу между обжорами (Ада VI, 79). Не будь он причастен этому греху, Данте едва ли поместил бы в ад этого мужа, которого он так высоко ценит за его любовь к отечеству, великодушие и в особенности за спасение Флоренции, того мужа, которого флорентинский историк Валдани не даром называет вторым Камиллом.

Тогда нахмурил брови он с смущеньем

46. И рек: «Враги то злые были мне

И партии моей и нашим дедам:

За то я дважды их громил в войне.²¹⁵» —

²¹⁵ Здесь необходимо сделать беглый обзор исторических событий, на которые намекает в этих стихах Данте. Страшные партии Гибеллинов и Гвельфов в первой половине XIII столетия стали известными и во Флоренции, откуда первые, находясь под особенным покровительством императора Фридерика II, изгнали последних в 1248 г. Но, по смерти Фридерика, народ, выведенный из терпения жестоким правлением Гибеллинов, признал снова Гвельфов в Январе 1250, уничтожил прежний образ правления, в замен которому установил новое, избрав предводителя народа (*capitano del popolo*) и присоединив к нему совет из двенадцати старшин; сверх того, были избраны 36 народных вождей и установлены 20 знамен с особым значками для того, чтобы народ в случае нужды мог собираться вокруг них. В это время город укрепили новыми стенами, построили мост чрез Арно при Санта-Тринита, многие города и крепости были присоединены к Флоренции, имя которой сделалось страшным для всей Италии, торговля ее процвела, искусства и ремесла усовершенствовались. Но это благосостояние города было непродолжительно. Гибеллины, большая часть которых удалилась в Сиену, в тайне продолжили свои происки и, по смерти Фридерика II, обратились с просьбою о помощи к побочному его сыну, Манфреду, который в то время, взойдя на сицилийский престол своего отца, восстал против церкви. Манфред, доброхотствуя, подобно отцу своему, Гибеллинам, прислал им на помощь 800 немецких рыцарей под

предводительством какого-то графа Иордануса, с которыми изгнанники, а также союзные Сиенцы, немедленно осадили находившийся в союзе с Флоренцией город Монтальчино. Нужно было, во чтобы то ни стало, вовлечь флорентинцев в сражение: с этой целью Фарината дельи Уберти, один из знаменитых полководцев своего времени, удалившийся вместе с прочими в Сиену, отправил двух монахов миноритов, Кальканьи и Спедито, во Флоренцию с письмом от сиенских начальников, которые притворно уверяли, что «Сиенцы, выведенные из терпения тиранством Гибеллинов, желают покориться флорентинцам и что с радостью отворят им ворота св. Вита, если они вышлют войско к реке Арбии.» Хитрость удалась как нельзя лучше: не смотря на возражения Теггьяйо Альдобранди (Ад. XVI) и Чеко Герардини, высокомерные флорентинцы решили начать войну. Немедленно собрано было значительное войско, к которому присоединились союзники из Лукки, Пистойи, Пало, Санминиати, Санджиминьяно, Вольтерры и Колле ди Вальдельсы; с торжественною пышностью оно направилось к Арбии, распустив красные знамена и даже взяв знаменитый вечевой колокол *Martinella*, который на этот раз справедливо назван был в насмешку *la campana degli asini*. На пути присоединились к ним отряды из Орвието и Перуджии, так, что войско, пришед к р. Арбии, состояло более чем из 3,000 рыцарей и 30,000 пехоты. Но едва только остановились они у холма МонтAPERти при Арбии (сражение, здесь происшедшее, упоминается у Данта под тем и другим именем), как ворота Сиены растворились; но из них вместо ожидаемой мирной депутации города, понисся к ним на встречу вооруженный отряд немецких рыцарей, который, сопровождаемый Сиенцами и Гибеллинами, врубился в ряды флорентинцев. Началась страшная битва, тем ужаснейшая для Гвельфов, что

в рядах их находилось множество Гибеллинов, которые, сбросив теперь с себя личину, передались на сторону врагов. Один из этих изменников, Бокка дельи Аббати (Ад. XXXII, 76-123), обрубил руки флорентинскому знаменосцу Иакопо дель Вакка де Падзи: падение знамени было началом общего расстроя флорентинского войска. Четыре тысячи пали на месте; множество пленных, оружие, знамена и даже вечевой колокол *Marlinella* достались в руки победителей; спасшиеся Гвельфы бежали в Лукку. Это кровавое побоище происходило 4 Сент. 1260 г. Гибеллины с торжеством вошли во Флоренцию и во имя Манфреда избрали графа Гвидо Новелло де Конти Гвиди подестою города. Недовольные однако ж этим, они в чрезвычайном собрании в Эмполи, под председательством графа Иордануса, решили срыть до основания стены и башни Флоренции как гнезда упорного Гвельфисма. Тогда-то Фарината дельи Уберти, душа этой войны, один восстал против общего решения и твердым голосом объявил, что «он только затем обнажил меч, чтоб снова быть гражданином Флоренции, и что один готов защищать ее с мечем в руке до последней капли крови.» Таким образом, Флоренция была спасена, — заслуга, которою Фарината гордится и в аду. — По смерти Манфреда, павшего в сражении при Беневенто против Карла Анжуйского (1265), Гибеллины вынуждены были сделать некоторые уступки: они позволили набрать 30 вождей из народа, разделили жителей на 12 вооруженных цехов, назначив им старшин, и наконец признали Гвельфов. Вскоре последние взяли верх над Гибеллинами, а народ вышел из повиновения, что заставило графа Гвидо Новелло, наместника Манфредова и главу Гибеллинов, бежать с своею партией в ближний г. Прато. Впрочем, на другой день, раскаявшись в своем необдуманном поступке, он сделал приступ к Флоренции, но был отбит. Впоследствии

49. «Ты их громил, но возвратились следом
Они отвсяду,» я в ответ сказал:

«Твоим же путь к возврату был
неведом!²¹⁶» —

52. Тут близ него из гроба приподнял
До подбородка лик другой безбожный.²¹⁷

Гибеллины еще раз были призваны назад; но в 1267, когда Карл Анжуйский отправил графа Монфорте во Флоренцию, они были окончательно изгнаны в первый день Пасхи. В числе изгнанных находился Адзучио Арригетти, предок Мирабо. Копишь. Филалетес. Вегеле.

²¹⁶ Предки Данта были Гвельфы. Они были изгнаны два раза: в 1248 г., за 12 лет до битвы при Арбии, но через два года возвратились снова, и во второй раз, после битвы при Арбии в 1260, после чего, спустя семь лет в 1267 г., Гвельфы опять взяли верх над Гибеллинами и выгнали их из Флоренции. В начале XIV века Гибеллины окончательно были изгнаны и с того времени навсегда находились в изгнании, не смотря на все свои попытки возвратиться.

²¹⁷ Это Кавальканте Кавальканти, знаменитый флорентинский Гвельф, которого, как и Фаринату, подозревали современники в атеизме. Сын его, Гвидо Кавальканти, был философ и замечательный поэт, искренний друг Дантов. Подслушав разговор Фаринаты с Дантом и узнав последнего по звуку его голоса, Кавальканте заключает, что если Данте мог проникнуть в ад высотой своего таланта, то и

Он на коленях, думаю, стоял.

55. Вокруг меня водил он взор тревожный,
Как бы желая знать, кто был со мной;
Когда же луч угас надежды ложной,

58. Он, плача, вскрикнул: «Если в мир слепой
Проникнул ты таланта высотой,²¹⁸
То где же сын мой? что ж он не с тобой?»

61. Но я ему: «Иду не сам собою:
Там ждет мой вождь, за кем иду вослед;
Его твой Гвидо презирал с толпою.²¹⁹»

Гвидо, как глубокомысленный философ, должен находиться вместе с ним.

218 Кавалькавте, как закоснелый атеист, приписывает странствование Данта в аду не божественной помощи, но высоты его таланта (*ingegno*). Копишь.

219 Данте отвечает, что ведет его не высота таланта, а разум (Виргилий), не всегда руководящий людей даровитых. Гвидо, более философ, чем поэт, писавший в легком провансальском роде, не имел такого уважения к Виргилию, какое питал к нему Данте, не изучал его творений и, стало быть, не мог создать ничего подобного Божественной Комедии.

64. Казнь грешника и слов его предмет,
Кто был сей дух, мне объяснили вскоре,
И потому так прям был мой ответ.

67. Вдруг, выпрямясь, вскричал он в
страшном горе:²²⁰
«Как? *презирал!* уж нет его в живых?
Уж сладкий свет в его не блещет взоре?»

70. Когда заметил он в очах моих
Сомнение, тревогу беспокойства,
Он навзничь пал и навсегда затих. —

73. Меж тем другой, муж силы и
геройства,²²¹

²²⁰ Мысль о смерти близких вдвое прискорбнее для людей, неверующих в бессмертие души. Копишь.

²²¹ Слова: *он презирал*, заставляют Кавальканте думать, что сын его умер. «Кавальканте до сих пор стоял на коленях; но при этих словах он вдруг вскакивает на ноги и, видя, что Данте медлит отвечать ему, опрокидывается в могилу: немногими словами, но как прекрасно выражены любовь и горечь отца! Это изображение удрученного горем отца еще более выигрывает в эффekte от контраста, который представляет слабодушный, но глубоколюбящий Кавальканте с мощным, величаво гордым образом Фаринаты.» Штрекфусс.

Не двинув выи, не склоняя плеч,
Являл в лице души надменной свойства.

76. «Да!» продолжал он прерванную речь:
«Мысль, что досель мое в изгнание племя,
Крушит меня сильнее, чем эта печь.

79. Но лик жены, гнетущей злое семя,
В пятидесятый раз не проблеснет,
Как взвесишь сам, сколь тяжело это время.²²²

²²² *Лик жены, гнетущей злое семя*, есть луна. Богиня, чтимая на Олимпе как Луна, на земле называется Дианою, а в аду Прозерпиной, или Гекатою (Ада IX, 43). Смысл текста следующий: не пройдет 50 месяцев (4 года и 2 месяца), как ты узнаешь, как тяжелы изгнаннику бесполезные попытки возвратиться в свое отечество. Данте, вначале Гвельф, впоследствии сделавшийся Гибеллином, был изгнан из Флоренции вместе с множеством последних в Январе 1302; в Марте того же года приговор над ним подтвердили и еще с большею силою произнесли его после попытки Гибеллинов проложить себе путь во Флоренцию вооруженною рукою, — попытки, в которой принимал участие и Данте. Но так как Данте предполагает свое странствование в замогильном мире в 1300, то выходит, что от этой эпохи до времени его изгнания протекло только два года и, стало быть, 50 месячный срок, назначаемый Фаринатою, будет слишком велик. Надобно думать, что срок этот относится не к первому его изгнанию в 1302, а к гораздо позднейшим попыткам его возвратиться во Флоренцию, когда он был членом совета двенадцати,

82. О, если мир тебя прекрасный ждёт,
Скажи: за что с такою нелюбовью
Законами гнетете вы мой род?²²³»

85. И я: «Тот бой, что залил нашей кровью
Всю Арбию, в ней воды взволновав,
Подвиг нас в храме к этому условию.²²⁴»

88. Тут он вздохнул, главою покачав,
И молвил: «Я ль один виновен в этом?
И не имел ли я на это прав?

управлявшего в Пистойе партией Белых (Гибеллинов). В это время (1304) в первый раз блеснула Данту надежда к возврату в отечество; по просьбе Белых, папа Бенедикт XI отправил во Флоренцию кардинала Никколо ди Прато в качестве миротворца с тем, чтобы содействовать возврату изгнанников. Но эта надежда поэта исчезла с внезапным отбытием кардинала из Флоренции 5 Июня 1304 г., т. е. спустя 4 года и 3 месяца после замогильного странствования поэта.

²²³ Фамилия Уберти, к которой принадлежал Фарината, всегда была исключается из списков изгнанников, получавших право возврата во Флоренцию.

²²⁴ По словам Макиавелли, народные собрания во Флоренции до 1282 всегда происходили в церквях.

91. Но там, где общим решено советом²²⁵
Развеять в прах Флоренцию, лишь я
Защитником ей был пред целым светом.» —

94. «Да обретет же мир твоя семья!
А ты» сказал я: «развяжи мне сети,
В которых мысль запуталась моя.²²⁶

97. Коль понял я, мрак будущих столетий
Со всеми их делами вам открыт;
Но в настоящем — вы сомненья дети.»

100. А он: «Мы зрим, как дальнотзорный зрит,
Лишь только то, что вдалеке таится:
Еще нас этим Высший Вождь дарит.

103. Когда ж событие близко, иль свершится,
Тогда нам очи кроет темнота:
Мир скрыт для нас, коль весть к нам не

²²⁵ Собрание, на которое здесь намекается, было в Эмполи (см. выше).

²²⁶ Данту кажется загадкою, почему тени грешников могут узнавать будущее и ничего не знают о настоящем, как Кавальканте, ст. 68.

106. Но ты поймешь, что дар сей как мечта
Рассеется в тот миг, когда судьбою
Затворятся грядущего врата.²²⁸» —

109. Тут я сознал проступок свой с тоскою
И рек: «Скажи соседу своему,
Что сын его еще живет со мною.

112. Я лишь затем не отвечал ему,
Что было мне в то время непонятно
То, что теперь ты разрешил уму.²²⁹»

115. Уж призывал меня мой вождь обратно

²²⁷ Согласно с богословским учением Фомы Аквинского, грешники могут познавать только общее, напр. будущее, но не знают ничего отдельно-существующего, чувственного. Напротив, блаженные души все созерцают и видят в Боге.

²²⁸ Т. е. в день страшного суда, когда крыши закроют гробы еретиков (см. 10–15 и прим.).

²²⁹ Данте сострадает упавшему в могилу Кавальканте, которого он огорчил тем, что не объявил ему, что сын его жив, ибо ошибочно думал, что души грешников, зная будущее, должны знать и настоящее.

И потому я духа умолял
Сказать: кто с ним погиб здесь невозвратно.

118. «Лежу средь тысяч,» он мне отвечал:
«Тут Кардинал с могучим Фридериком;
Но о других не спрашивай!» — Сказал²³⁰

121. И скрылся. — Я ж, в смущении великом,
Задумавшись от слышанных угроз,
Шел к древнему поэту с грустным ликом»

124. Подвигся он и, взыдя на утес,
Спросил: «Скажи: что так тебя смутило?»
И я ему ответил на вопрос.

²³⁰ Фридерик II, император германский и король сицилийский, сын Фридерика V и племянник Фридерика Барбаруссы, помещен здесь не столько за борьбу его с папами, сколько за его эпикурейский образ жизни, а в особенности за то, что, по мнению современников, впрочем ошибочному, был сочинителем в высшей степени еретической книги: «О трех обманщиках.» Филалетес. Кардинал Оттавиано дельи Убальдини, обыкновенно называвшийся в Италии просто *кардиналом*, человек необыкновенных дарований и твердого, но жестокого характера, ревностный Гибеллин и потому жестокий враг пап и церкви. Он известен был своим атеизмом и говаривал, что если и была у него когда-нибудь душа, то он погубил ее для Гибеллинов. Брат его Убальдино встречается в Чистилище (XXIV, 20).

127. «Запомни же, что сказано здесь было,
И все в душе» он рек: «запечатлей!»
И, перст поднявши, продолжал уныло:

130. «Когда увидишь дивный блеск лучей
В очах прекрасной, им же все открыто,
Тогда узнаешь путь грядущих дней.²³¹»

133. Я шел налево под его защитой
И мы от стен в центр города пошли
Тропинкою, в долине той прорытой,²³²

136. Где адский смрад всходил со дна
земли.²³³

²³¹ Намек на Беатриче. «Виргилий, утешая Данта, противопоставляет божественную жизнь житейскому треволнению и говорит, что от Беатриче, которая все созерцает и зрит в Боге, узнает он истинный путь к этой жизни божественной; но вместе с тем он советует запомнить и предсказание Фаринаты.» Копишь.

²³² Они пересекают круг и, направляясь к центру бездны, приближаются к тому месту, где спуск в следующий круг.

²³³ «Вся эта песнь отличается высоким драматическим эффектом и разнообразием превосходно-обрисованных характеров. Какая противоположность между двумя

Песнь XI

Содержание. На вершине обрушенной скалы, составляющей границу между кругом еретиков и следующим, поэты укрываются от ужасного зловония адских испарений за крышею одиноко-стоящей гробницы папы Анастасия. Они идут медленно для того, чтобы наперед привыкнуть к зловонию, восходящему с кровавой реки из глубины седьмого круга. Пользуясь этим временем, Вергилий, по просьбе Данта, объясняет ему распределение грехов по кругам ада и говорит, что

отрицателями вечной жизни! Фарината, этот гордый победитель при Арбии, забывая о муках и как будто презирая целый ад, озабочен только судьбою отечества и своей партии; и рядом с ним, менее великодушный Кавальканте, при одной мысли о смерти и (по его понятиям) уничтожении сына опрокидывающийся в могилу в отчаянном горе. А как удивительна при этом постановка обоих поэтов: Данта, еще очень восприимчивого к земным заботам, ищущего везде познания и нередко пожинаящего горе, везде обнаруживающего свойства чисто-человечные: слабость и величие, гордость и страх, всего же более жажду познания, и мудрого его вождя Вергилия, который повсюду указывает стремление к высшему, небесному, сам же, как посланник высшей силы, как исполнитель воли божественной, везде является бесстрастным, ни чему не сочувствующим.» Рут.

вне пределов адского города (Ад. VIII, 67–68), в пройденных уже кругах, наказуются невоздержные, слепо предававшиеся естественным побуждениям; но что внутри города, в более глубоких кругах ада, помещены те, которые, предавшись влечениям неестественным, превратили свою человеческую природу в животную, зверскую: все они разделены на три класса, смотря потому, на кого направлено насилие: на ближних, на самих себя, или на Бога. За грешниками, виновными в насилии, следуют обманщики, а на самом дне ада виновные в величайшем грехе — измене. Накониц Виргилий объясняет Данту, почему ростовщики отнесены к числу грешников, направлявших насилие против законов Божеских. — Наступает утро. Поэты идут далее.

1. У рубежа окраины высокой,
Над грудю обрушенных громад,²³⁴
Пришли мы к бездне более жестокой.

4. И, встретив тут невыносимый смрад,²³⁵

²³⁴ Почему спуск из шестого круга в седьмой состоит из разрушенной скалы, объяснено ниже (Ада XII, 34 и д.).

²³⁵ Этот смрад поднимается с кровавой реки нижележащего седьмого круга (Ад. XII, 46) и есть символ худой славы, оставленной по себе грешниками, наказуемыми

Клубившийся над пропастью бездонной,
За страшным гробом мы взошли на скат,

7. И я прочел на крыше раскаленной:
«Здесь Анастасий папа в гробе скрыт,
«С прямой стези Фотином

совращенный.²³⁶» —

в этом кругу. Копишь.

236 У библиотекаря Анастасия, летописца IX века, находится известие, которое гласит, что папа Анастасий II, вступивший на престол папский около 497 г., принял, не смотря на сопротивление епископов, еретическое учение фессалоникийского диакона Фотина, придерживавшегося лжеучения Акакия, патриарха константинопольского. Тот же летописец уверяет, что папа Анастасий погиб чудесным образом от внезапно-приключившейся ему ужасной болезни в то время, когда защищал свою ересь перед собором епископов. Ландино. — Показание летописца, которому следует Данте, кажется неверным, потому что во времена Фотина, жившего около 350 г., не было никакого папы этого имени. Тем не менее, Данте воспользовался этим случаем, чтобы показать, что и папа может быть еретиком и что, стало быть, его суд непогрешителен только в том случае, когда он не противоречит решению вселенского собора. Филалетес. — Гробница папы граничит с кругом, где наказуется насилие: это значит, что ересь в душе сильных мира сего близка к насилию. Копишь.

10. «Нам медленно сходить здесь надлежит,
Чтоб свыклось чувство с адским испареньем:
Тогда нам смрад уже не повредить.» —

13. А я: «Займи ж мой ум благим ученьем,
Чтоб этот час без пользы не пропал.»
И вождь: «Я сам с твоим согласен мненьем.

16. Мой сын,» он начал: «в бездне этих скал
Три меньших круга выются ступенями,²³⁷
Как там вверху, где путь наш пролегал.

19. Все три кишат проклятыми тенями;
Но чтоб постиг ты Божий суд святой,²³⁸

²³⁷ Три меньшие круга (в подл.: *cerchietti*, т. е. более тесные, более концентрические) суть три остальные круга ада, находящиеся в пределах адского города, седьмой, восьмой и девятый. Все они глубже и глубже нисходят ко дну ада и чем глубже, тем более суживаются, на подобие ступеней амфитеатра, сценой которому служит замерзший Коцит, в который погружен Люцифер, взмахами своих крыльев сам его замораживающий, в знаменование того, что казни грешников есть их собственное дело. Копишь.

²³⁸ Поэтому Данте впоследствии уже не спрашивает о том, какой именно род греха наказуется в каждом отделе ада, а только осведомляется об особенных прегрешениях и обстоятельствах жизни отдельных грешников. Филалетес.

Узнай: за что казнятся небесами.

22. Цель всякой злобы, в небе проклято й,²³⁹

²³⁹ В этой песня Данте излагает нравственное построение своего ада, классификацию грехов, так последовательно и ясно, что почти нет надобности входит в какие либо дальнейшие толкования. Но так как для многих читателей изложенное в прозе кажется более понятным, то мы предлагаем краткий обзор грехов и их наказаний, распределенных сообразно с архитектурным построением Дантова ада (слич. Ада IV, прим. к 7–8.).

Все грехи человеческие, по Аристотелю (см. ниже), можно разделять на три класса, именно: на грехи, происходящие или от невоздержания, или безумной животности (*matta bestialitate*), или от злости (ст. 89–84).

Грехи, всходящие от *невоздержания*, менее важны (ст. 70–88), потому что невоздержание предполагает не злую волю, но только потемнение самосознания, потерю воли. По этому во втором, третьем, четвертом и пятом кругах ада, еще вне пределов адского города, составляющего начало истинного ада (Ада VIII, 75 и прим.), наказуются менее жестоко сладострастные, обжоры, скупые вместе с расточителями и гневные. Символом этого отдела ада служит тьма (см. Ада III, примеч. к 87).

За ними, в шестом кругу ада, следуют *еретики* и открывают собою ряд грешников, наказуемых уже в истинном аде. Но и этих грешников нельзя еще назвать истинно-злыми, потому что грехи их произошли собственно не от злой склонности. Тем не менее, они наказуются за раскаленными стенами и связуют собою грешников первого рода с

последующими.

Прямая цель истинно-злых наклонностей есть обида, к которой две дороги: или *насилие*, или *обман*. Первое заслуживает меньшего наказания, чем последний, потому что сильные страсти, как недостатки природные, могут содействовать к тому, что человек, увлеченный ими, прибегает к силе, тогда как обманщик обдуманно и хладнокровно употребляет во вред другим свой разум, — этот дар, которым человек отличается от всех других тварей. Потому и сказано, что обман свойствен только человеку. — Quum autem duobus modis, i. e. aut vi, aut fraude fiat injuria: fraus quae vulpeculae, vis, leonis videtur: utrumque homine altissimum, ad fraudem odio digna majore. Cicero, De officiis, I, 13.41.

Насилие, соответствующее безумной животности Аристотеля, наказуется в седьмом кругу (XII–XVI), составляющем второй отдел ада, символом которому служит огонь или жар. Круг этот распадается на три отдела, смотря потому, кому наносится насилие: ближним (XII), самому себе (XIII), или Богу (XIV–XVII, до ст. 78). В первом отделе помещены: мучители, поджигатели и разбойники; во втором: самоубийцы, отчаянные игроки и расточители своих имений, а также все решающиеся на отчаянные подвиги с целью самоубийства; в третьем: преданные содомскому греху, ростовщики и богохульники.

Обман, истекающий из глубокой злости человека и потому только ему свойственный, составляет третий, самый нижний отдел ада. Обман бывает двоякого рода, смотря по тому, над кем он совершается: над тем ли, кто имеет доверие к обманывающему: стало быть, над тем, с кем мы, кроме природной связи любви, соединены еще союзом доверенности и братства; или над тем, кто не имеет доверия, когда,

Одна — обида; к ней же две дороги:
Или насилье, иль обман людской.

25. Но как лишь людям свойственны подлоги,
То ими Бог сильнее прогневлен:
За то на дне и суд им самый строгий.

28. Весь первый круг насилью посвящен;
Но как трем лицам вред от сей невзгоды,
То в три отдела круг сей раздроблен.

31. Против Творца, против своей природы,
На ближних, с их стяжаньем возстает
Насилие и вот тому доводы.

следственно, нарушаются только общие законы человеческой любви. Обман второго рода наказуется в восьмом кругу, разделенном на 10 отделений, в которых казнятся собственно обманщики, а именно: соблазнитель и пользовавшиеся слабостью обоих полов (*ruffiani*); льстецы; симонисты или торговавшие дарами Св. Духа; прорицатели; светские симонисты или менялы (*barattieri*) и взяточники; лицемеры; хитрые тати и святотатцы; злосоветники; сеятели расколов и подделыватели всякого рода (Ад. XVIII–XXX). — Обман первого рода, или измена, величайший грех, истекающий из высшего эгоизма души человеческой, наказуется в последнем девятом кругу ада, где символом ему служить вечный холод. Изменники в свою очередь распадаются на четыре класса: на изменников ближнему, другу, отечеству или граду, и Богу (Ад. XXX–XXXIV).

34. Вред ближнему насилие влечет
Увечьями, убийством, а стяжанию,
Поджогами, разбоем, и в зачет

37. Смертоубийству, злomu истязанью
И грабежу казнь лютая во век
В отделе первом служит должной данью.

40. Сам на себя заносит человек
Насилья длань: за то скорбит стократно
В другом отделе каждый, кто пресек

43. Сам дни свои, кто, промотав развратно
Именье, горем отягчил главу
И плакал там, где мог бы жить приятно.

46.
.....
.....

49. За то отдел последний отмечает
Клеймом своим Каорсу и Содом²⁴⁰

²⁴⁰ Содом, известный город в Пниестине, преданный противоестественному греху и за то вместе с Гоморрой и другими городами сожженный огнем небесным.

Каорса. Купцы, преданные лихоимству, во многих законах

И тех, чье сердце Бога отрицает.

52. Обман, грызущий совесть всем, на том
Свершиться может, кто с доверьем внемлет,
Иль кто доверья чужд в уме своем.

55. В грехе *последнем*, кажется мне,
дремлет²⁴¹

Лишь долг любви, природы нежный дар:²⁴²
За то второй великий круг объемлет

58. Гнездо льстецов, жрецов волшебных чар,
Соблазн, подлог, татьбу и святотатство
И всякий грех, достойный горших кар.

61. Но *первый* грех забыл любовь, богатство
Природное, и то, что слито с ней,

средних веков назывались *Lombardi* и *Caorcini* или *Cawarcini*, *Saturcini* etc. Название *Caorcini* и проч. они получили вероятно от Каорсы или Когора (по лат. *Cadurcum*), г. в Лангедоке, откуда вышли первые ростовщики.

²⁴¹ Т. е. общие законы любви, вкорененные в нас самой природой.

²⁴² Т. е. восьмой круг, где наказуются простые обманщики.

Чем зиждутся доверие и братство.²⁴³

64. А потому в кругу меньшом, где вся
Вселенной центр, где Дис царит ужасный,
Всяк изменивший стынет в бездне сей.^{244»}

67. И я: «Мой вождь, твое ученье ясно
И верное дает понятие мне.
О бездне сей и о толпе злосчастной.

70. Но объясни: погрязший род в волне,
Носимый ветром и разимый градом
И та толпа, что спорит век в войне,²⁴⁵ —

73. Зачем не Здесь, за раскаленным градом,
Казнятся, если подлежат суду,

²⁴³ Более тесную, более родственную любовь, из которой возникают доверие и родственные, дружественные отношения.

²⁴⁴ Меньший круг есть девятый, имеющий вид колодезя, на дне которого погружен во льды Дис (Плутон), Люцифер, Веельзевул, — имена, у Данта однозначные.

²⁴⁵ Гневные (Ада VII, 110 и д.), сладострастные (V, 31 и д.), обжоры (VI), скупые и расточители (VIII, 25 и д.).

А если нет, за что пожраты адом?»

76. А он в ответ: «Зачем в таком бреду,
Как не случалось прежде, ум твой бродит?
Иль новое имеет он в виду?

79. Не помнишь ли то место, где выводит
Твой Аристотель в Ифике из всех
Три склонности, на них же казнь нисходит:

82. Невоздержанье, злость, безумный грех
Животности? и как невоздержанье
Наказано от Бога легче тех?

85. И так, коль обнял ты вполне то знанье²⁴⁶

²⁴⁶ Виргилий понимает здесь Ифику Аристотеля, который в кн. VII, гл. I. говорит: «Относительно нравов, должно избегать трех вещей: невоздержания (*ἀκρασία*), порока (*κακία*) и животности (*θηριότης*).» Под именем первого, понимает он неумеренное наслаждение естественными удовольствиями (*ἡδέα φύσει*) и разделяет последние на такие, которые основаны на потребностях вашего тела (*ἀναγκαῖα*), напр. удовольствие, доставляемое употреблением пищи и половое побуждение, и на такие, которые хотя и не составляют наших потребностей, однако ж сами по себе приятны (*αἰρετά*), напр. желание победы, славолубие, стремление к обогащению, гнев и проч. Грехи из этого источника наказуются у Данта вне пределов раскаленного города.

Под именем животности, Аристотель понимает

И приведешь на память проклятых,
Приемлющих вне града наказание,

88. То сам поймешь, зачем от этих злых
Отлучены и с меньшим гневом мщенья
Млат Правды Божьей сокрушает их.» —

91. «О солнце, врач смущенного воззренья!
Так ясно ты решаешь, что уму
Равно полезны: знание и сомненья.

удовлетворение побуждений, которые уже и сами по себе неприятны (кн. VII, гл. V), куда он относит множество неестественных жестокостей, людоедство, неестественную похоть и т. д. Все эти пороки у Данта, под общим названием *насилия*, помещены в седьмом кругу, куда причисляет он сверх того и богохульство, как грех, по природе несвойственный человеку, также лихоимство, по той же самой причине, как мы увидим ниже.

Наконец порок Аристотель противопоставляет добродетели (*ἀρετή*), под именем которой разумеет он познание прямого, доброго (кн. VII, гл. XIII). Из этого видно, что «порок» Аристотеля почти ничем не отличается от «обмана» Дантова: ибо тот и другой состоят в злоупотреблении высших свойств духа с злою целью. Когда дух направляется к злему, тогда все, из него исходящее, есть обман, прикрытый только личиною истины. Сюда же Данте отнес и измену, как высшее проявление обмана, и соединил и то и другое под одним общим именем «злости». Филалетес. Копишь.

91. Но уклонись назад,» я рек ему:
«И объясни: чем Бога оскорбляет
Дающий в рост? рассеяй мне эту тьму.» —

97. «Кто философию постиг, тот знает,
Что стройный чин,» сказал он: «естества
Течение свое воспринимает

100. Из разума, искусства Божества,
И если в физику вникал, то, много
Не рывшись в ней, найдешь сии слова:

103. Искусство ваше подражает строго
Природе так, как дядьке ученик:²⁴⁷

106. Из этих двух, коль мыслями ты вник
В начало книги Бытия, и должно²⁴⁸

²⁴⁷ Аристотель говорит в своей физике, кн. II, гл. 2:
«Искусство (*τέχνη*) подражает природе.»

²⁴⁸ «Tulii ergo Dominus Deus hominem, et posuit eum in paradiso voluptatis, ut operaretur et custodiret illum.» Vulg. Genes. Cap. II, 15. — «In sudore vultus tui vesceris pane.» Ibid. Cap. III, 19. — Из этого следует, что человек должен удовлетворять своим потребностям, применяя в пользу свою силы природы чрез прилежание и изобретательность.

Жизнь почерпать и размножать язык.²⁴⁹

109. Но ростовщик, идя стезею ложной,
Расторг в души корыстной, полной зла,
Союз искусств с природой непреложной.²⁵⁰

112. Но следуй мне: идем! уж ночь прошла:
Трепещут Рыбы на эфнре звездном
И Колесница уж на Кавр легла,²⁵¹

249 В подлин.: Prender sua vita, ed avanzar la gente.

250 «Природа и искусство даны человеку как производители его жизни. Природа дает для человека необходимое для жизни, а искусство обрабатывает данное ею. Ростовщик нарушает закон природы, потому что он заставляет деньги производить деньги. Что не в законе природы; а так как искусство наше закон свой берет с природы же, то нарушает он закон всякой.» Шевырев. — В этом воззрении Данта на ростовщиков видно господствовавшее в средние века мнение о незаконности всякого роста. Филалетес.

251 В этих стихах Данте, как и везде при обозначении времени, определяет с астрономической точностью начало утра. Созвездие Рыб появляется над горизонтом, созвездие Большой Медведицы (в просторечии называемой Колесницею) лежит на Кавре. Кавр или Кор (Caurus, Corus) есть ветер, дующий с NNW, и на востоке называемый *ponente maestro*. По вычислению астрономов, созвездие Рыб 9

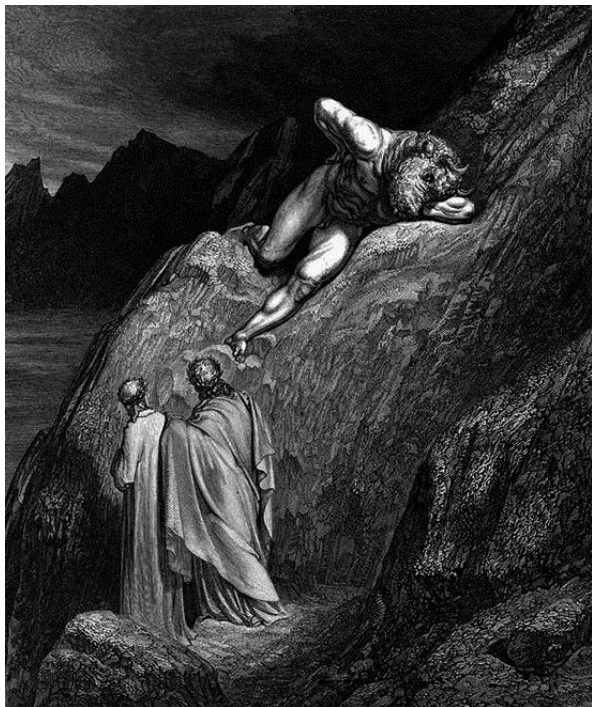
115. А спуск еще далек, где сходит к
безднам.»

Песнь XII

Содержание. Путники приходят к каменной ограде седьмого круга, к первому его отделу (Ада XI, 37–39), в котором наказуется насилие против ближних. При виде поэтов, Минотавр, распростертый на границе этого круга, в бешенстве кусает самого себя; но Вергилий укрощает его ярость напоминанием о Тезее, его умертвившем, а, пока чудовище крутится от бессильного бешенства, поэты сходят по громадным камням обрыва, обрушившегося в минуту крестной смерти Спасителя. На дне круга дугою изгибается глубокий ров, наполненный кипящею кровью; в нее погружены насильователи ближних. Кентавры, вооруженные стрелами, рыскают по берегам рва и стреляют в тех, которые выйдут из потока крови более,

Апреля 1300 начало подниматься из-за горизонта в 3 часа, а в 5 часов было уже совершенно над ним, из чего должно заключить, если возьмем за основание 9 Апреля, что настал 5 час; это же положение созвездий для 6 Апреля того же года будет означать 4 часа 48 минут; а для 26 Марта 2 часа 4 мин. См. у *Филалетеса*. Die Hölle, p. 73–74.

нежели им следует. Трое из них, Несс, Хирон и Фол, бросаются на пришельцев; но Виргилий укрощает и их ярость и, обратившись к Хирону, просит дать им проводника, который бы перенес Данта на хребте своем вброд через поток крови. Хирон избирает Несса, в сопровождении которого поэты идут далее и видят тиранов, погруженных в кровь по самые очи. Из числа их Несс указывает им на Александра, Дионисия, Аццолина и Обидзо Эсте, а в отдалении от них на одинокую тень Гвидо Монфорте. Кровавый поток к одному концу долины все более и более мелеет, так, что наконец едва покрывает ноги грешникам; напротив, к другому концу волны его становятся все глубже и глубже, и здесь-то на дне под волнами плачут вечными слезами: Аттила, Пирр и Секст и разбойники Реньеры.

1. Скалист был край, где мы взбирались в горы,
И тем, что в недрах он притом вмещал,
Так страшен был, что всем смутил бы взоры.

4. С той стороны от Трента есть обвал,
Обрушенный в Адиг землетрясеньем,

Иль осыпью волной подмытых скал:

7. С горы, откуда свергнут он паденьем,
В долину так обрывист косогор,
Что сверху вниз нет схода по камням.²⁵²

10. Так крут был спуск в ущелье этих гор,
И здесь, заняв обрушенные скаты,
Улегся Крита ужас и позор,

13. Подложною телицею зачатый. —
Увидев нас, он грыз себя, как зверь,
В котором чувства бешенством объаты.

16. Но мой мудрец вскричал ему: «Поверь,
Не царь Афинский здесь перед тобою,
Который в ад тебе разверзнул дверь.

19. Прочь, лютый зверь! прочь! не твоей

²⁵² О местности здесь описанного обвала есть разные предположения. По мнению Маффеи, тут говорится об утесе при Риволи, обрушившемся в Адиг в 1300 г., когда Данте находился у Бартоломео делла Скала в Верони. Другой подобный горный обвал находится при Марко, на расстоянии часового путешествия от Ревередо, где Данте находился несколько времени. Наконiec третий очень высокий обвал горы Ченджио Россо, где теперь Кастелло делла Пиетра, находится в 2 1/2 милях от Ревередо.

сестрою,

Был низведен мой спутник в омут сей,
Но вашу казнь узреть идет со мною.» —

22. Как дикий бык, сорвавшийся с цепей,
Когда смертельным поражен ударом,
Без сил, крутится в ярости своей:

25. Так Минотавр крутился в гнев яром.
Но вождь всезнающий вскричал: «Беги!
Теперь сойдем, минут не тратя даром.»

28. По грудам скал я ускорил шаги,
И не один там камень вниз скатился
Из-под моей трепещущей ноги.

31. Я думен шел, а вождь: «Ты изумился
Громаде скал, где страж их адский гад
С бесовской злобой предо мной смирился.

34. Так ведай же: когда в глубокий ад
Я нисходил, в то время скал громада
Не представляла мне в пути преград.²⁵³

37. Но прежде чем, скорбящих душ отрада,

²⁵³ Ада IX, 22–27 и примеч.

Явился Тот, который, в Лимб нисшел,
Отъял великую корысть у ада, —

40. Так потряслась пучина лютых бед,²⁵⁴
Что мир — я думал — вновь поколебала
Любовь, чья мощь, как полагал поэт,

43. Не раз в хаос вселенную ввергала,²⁵⁵
И в то мгновенье древний сей утес
Распался, здесь и ниже, в два обвала.²⁵⁶

²⁵⁴ Намек на землетрясение во время кончины и сошествия Искупителя в *Лимб* для избавления праотцев (Ада IV, 53 и прим.).

²⁵⁵ Эмпедокл, греческий поэт и философ, которого учение Данте знал вероятно из опровержений Аристотеля, принимал четыре стихии и два движущие начала: любовь или сочувствие (*φιλία*) и раздор или разделение (*ἐχθρά, νεῖκος*). Эти два начала попеременно господствуют во вселенной: когда господствует любовь, элементы сливаются, и мир, теряя свой вид, разрешается в довременный хаос, из которого он возник, и, наоборот, когда между элементами господствует раздор или разделение, мир возникает снова.

²⁵⁶ Т. е. здесь и во рву лицемеров (Ада XXIII). Не без основания остались в этих двух местах следы землетрясения, бывшего в минуту кончины Спасителя: в этот день кровавое насилие привело в исполнение то, что было задумано и решено лицемерием.

46. Но взор вперя в долину горьких слез:
Клокочет кровь рекой там быстротечной,
Где всяк кипит, кто ближним вред
нанес!²⁵⁷» —

49. О страсть слепая! гнев бесчеловечный!
Ты в краткой жизни нас палишь в огне,
А здесь в крови купаешь в жизни вечной!

52. Ров, полный крови, я узрел на дне:
В равнине он дугою изгибался,
Как говорил о том учитель мне.

55. И между рвом и крутью гор скитался
Со стрелами Кентавров буйный род,²⁵⁸
Как на земле он ловлей забавлялся.

²⁵⁷ Теперь пред очами тиранов и убийц кровь ими умерщвленных поднимается более или менее высоко и бьет горячим ключом как из свежей раны. Шекспир в последнем монологе Макбета, может быть, имел в виду кровавую реку Данта. Копишь.

²⁵⁸ Баснословные Кентавры, чудовища, полулюди, полукони, есть так же символы необузданной животности, как и Минотавр.

58. Завидев нас, спускавшихся с высот,
Все стали в ряд; а трое, выбрав пуки
Острейших стрел, к нам бросились вперед.

61. «Какой вас грех привел сюда для муки?»
Так издали один воскликнул: «с гор
Ответствуйте: не то — мы спустим
луки²⁵⁹» —

64. «Мы заключим с Хироном договор,
Когда сойдем с нагорного навеса:
Твой гнев всегда во вред тес был скор!» —

67. Так вождь ему; а мне: «Ты видишь Несса:
За Деяпиру умерев, излил²⁶⁰

²⁵⁹ Кентавр, готовый немедленно пустить смертоносную стрелу, прекрасно выражает дикую наклонность насильников к убийству. Еще более изумимся глубокомыслию поэта, если вспомним, что зверообразные Кентавры, символы насилия против ближних, были внуки гневного Флегиаса (Ада VIII, 15–24) и дети высокомерного тирана Иксиона и, следовательно, происхождением своим обязаны необузданному гневу и высокомерной гордости. Копишь.

²⁶⁰ Мудрый Вергилий не хочет иметь дела с необузданным Нессом, но вступает в переговоры с более мудрым Хироном,

Сам из себя он месть на Геркулеса.²⁶¹

70. С ним рядом, тот, что взор на грудь
склонил, —

Гигант Хирон, взлелеявший Ахилла;
А третий, Фол, всегда неистов был.²⁶²

главою Кентавров. Хирон, не сын тирана Иксиона, как прочие Кентавры, но сын Сатурна и нимфы Филлары, олицетворяет собою (ст. 70–71) самосозерцание, углубление в самого себя и раскаяние, господствующее здесь после неистовства насильственников на земле. Разверзание огромной пасти у Хирона напоминает скрежетание зубов миносовых (Ада V, 4). Копишь. — У Хирона, как известно, воспитывался Ахиллес, гнев которого имел такие бедственные последствия.

²⁶¹ Несс, один из Кентавров, похитил прекрасную Деяниру, за что и был убит ядовитой стрелой Геркулеса в то время, когда переносил ее на хребте через р. Алфей. Чтобы отомстить Геркулесу, он, умирая, дал Деянире любовный напиток, приготовленный из своей собственной крови. Когда потом Геркулес изменил Деянире, она, желая опять привлечь его к себе, смочила кровью Кентавра одежду, назначенную для Геркулеса. От этого он подвергся таким страшным мукам, что в отчаянии сжег себя на костре.

²⁶² Фол, один из неистовейших Кентавров на брачном пиршестве Пиритоя, царя Лапитов, участвовавший в похищении его невесты Гипподамии.

73. Вкруг ямы рыщет тысячами сила,
Стреляя в тех, кто выйдет из среды
Кровавой больше, чем вина судила.» —

76. Лишь мы вошли в их страшные ряды,
Хирон, схватив стрелу, назад закинул
За челюсть пряди длинной бороды.

79. Потом он пасть огромную разинул
И молвил: «Братья! видите, на дно
Какие камни этот задний сдвинул:

82. Так мертвецам ходить не суждено!» —
Но вождь мой, став пред грудью
колоссальной,
Где сходятся два естества в одно,

85. Сказал: «Он жив и я дорогой дальней
Веду его в страну, где светит день:
Не прихоть, рок ведет нас в край печальной.

88. Пославшая меня с ним в вашу сень
Пришла оттол, где гимн поют осанна:²⁶³
Он не разбойник, я не злая тень.

²⁶³ Беатриче (Ада II, 70).

91. Но заклинаю силой несказанной,
Что в трудный путь стопы мои ведет:
Дай нам вождя, чтоб нас он невозбранно

94. Привел туда, где переходят вброд,
И на хребте пришельца переправил:
Ведь он не дух, свершающий полет.» —

97. Хирон направо к Нессу взор направил
И рек: «Ступай, води их тем путем,
Где б им никто преграды не
представил.²⁶⁴» —

100. Тут двинулись с надежным мы вождем
Вдоль берега кровавого потока,
Где неся крик палимых кипятком.

103. Я видел сонм, погрязший в кровь до ока,
И нам Кентавр: «Тираны здесь в слезах,
Что лили кровь и грабили жестоко.

106. Здесь каются они в своих грехах:

²⁶⁴ Несс, когда-то перенесший на хребте своем Деяниру через Алфей, теперь точно также должен перенести и Данта через поток крови (ст. 126 и 139).

Здесь Александр и Дионисий вместе,²⁶⁵
Сицилии несчастной бич и страх.

109. А там чело поднял в глубоком месте²⁶⁶

²⁶⁵ Комментаторы не согласны между собою, какого Александра понимает здесь Данте: Александра ли Македонского, или Александра, тирана Фереи в Фессалии. Последний, достигший высшей власти убиением своего брата и жестоко истребивший жителей Скотуссы в Фессалии, приличнее может быть поставлен рядом с Дионисием, тираном сиракузским, чем Александр Македонский, о котором с такой похвалою отзывается Данте в своем *Convito*. Впрочем, древние комментаторы и в особенности Пиетро ли Данте, сын поэта, разумеют здесь первого.

²⁶⁶ Аццолино или Эццилино ди Романо, или ди Онара, зять Фридерика II, жестокий властитель Тревиджи, наместник императора над большею частью Верхней Италии, один из неистовейших мелких тиранов этого несчастного времени, о чем свидетельствует надпись над его могилою:

*Hic jacet Sunzini tumulus canis et Ezzelini,
Quem lacerant manes tartareique canes.*

В битве при Кассано против властителей Ломбардии, он был смертельно ранен, попал в плен и, не допустив перевязать свои раны, умер в Сончино в 1260 г. — Он был среднего роста, черноволос и на лбу, над самым носом, имел длинный черный волос, который поднимался, когда Аццолино приходил в гнев. На это намекает и Данте. Бенвенуто да Имола.

Черноволосый Аццолин и с ним
Тот белокурый злой Обидзо Эсте,²⁶⁷

112. Убитый в мире пасынком своим,» —
Я на вождя взглянул, но мне учитель:
«Пусть будет первым он, а я вторым.²⁶⁸»

115. Немного дале, с вами стал мучитель
Над сонмом душ, что погружен был весь
По горло в яму — ужасов обитель!

²⁶⁷ Обидзо II, маркиз эстский, властитель Феррары, Модены и Реджио. О его тиранских действиях ничего неизвестно. Данте поместил его в ад во-первых потому, что он, как ревностный Гвельф, содействовал вступлению Карла Анжуйского в Италию и вместе с ним восстал на Манфреда; во-вторых потому, что Феррара была отдана ему с неограниченною властью, так что один современный писатель выразился об нем так: *Stipulatione facta syndicus constitutus Obisoni dominium defert plenissimum ita, ut omnia possit justa vel injusta pro suae arbitrio voluntatis. Plus potestatis tunc est illatum novo Domino, quam habet deus aeternus, qui injusta non potest.* По словам Бенвеуто да Имола, он быт убит своим сыном, которого Данте за такое злодеяние называет пасынком (*figliastro*).

²⁶⁸ Т. е. Несс объяснит тебе лучше, чем я.

118. Тень в стороны нам указал он здесь,
Сказав: «Вот он, пронзивший в Божьем храме
То сердце, что на Темзе чтут поднесь.²⁶⁹»

121. Потом я видел в адском Буликаме²⁷⁰
Главу и грудь вносявший сонм духов,
И в их толпе узнал я многих в яме.

124. Все мельче, мельче становилась кровь,

²⁶⁹ Этот непоименованный грешник — граф Гвидо Монфорте, наместник Карла Анжуйского в Тоскане. В 1271 г., в Витербо, во храме во время совершения литургии, когда возносилась освященная жертва, Гвидо Монфорте пронзил сердце английскому королю Генриху III, сыну Ричарда Корнвальского, только что возвратившемуся из крестового похода против Туниса, в отмщение за смерть своего дяди, Симона Монфорте, графа лейстерского, убитого, по повелению короля, Эвеншамом во время возмущения в 1265 г. Пронзенное сердце короля было отослано в Лондон, где на мосту через Темзу поставлена была статуя убитого с чашею в руке, в которой хранилось сердце, с надписью: *Cor gladio scissum do, cui consanguineus sum.* — Не без основания помещен отдельно от прочих грешников убийца, обогривший кровью Божий храм.

²⁷⁰ *Буликаме* есть собственно название горячего ключа близ Витербо (о котором подробнее см. Ад. XIV); впрочем также назывался ключ около Тиволи.

Так, что одни скрывала грешным ноги:
Здесь перешли мы быстро через ров.

127. «Как бурный ключ на сем конце дороги
Мелеет с каждым шагом, так равно
И с той страны,» сказал мне спутник строгий:

130. «Все глубже, глубже каменное дно
Он вниз гнетет, доколь впадет в те бездны,
Где в век стенать тиранству суждено.

133. Там правосудье суд творит возмездный
Над тем Аттилой, что был бич земли;
Там Пирр и Секст; там вечно токи слезны²⁷¹

136. Сливают с кровью, где на век легли,
Реньеро Падзи и Реньер Корнето,²⁷²

²⁷¹ Аттила, царь Гуннов, прозванный бичем земли. — Пирр, царь эпирский, и Секст Помпей (по другим Секст Клавдий Нерон), морской разбойник, воевавший, по смерти Цезаря, против Триумвиров: оба враги Римлян, к империи которых Данте везде обнаруживает особенное сочувствие.

²⁷² Ревьер да Корнето, грабивший во времена Данта по большим дорогам в Папских Владениях. Другой свирепый Ревьер, из древней флорентинской фамилии Падзи, из Валь д'Арно, грабил, по повелению Фридерика II, владения римских прелатов, за что со всем своим потомством был

Что по дорогам столько воин вели.» —

139. Здесь вброд провел меня он и поэта.

Песнь XIII

Содержание. Поэты вступают во второй отдел седьмого круга, где наказуются насильватели самих себя — самоубийцы, превращенные в деревья, и расточители, нагие тени, вечно преследуемые адскими псами. Деревья самоубийц образуют густой непроходимый лес, в котором на ветвях вьют гнезда отвратительные Гарпии. Данте слышит человеческие вопли, но никого не видит. По приказанию Виргилия, он ломает ветвь с одного дерева и с ужасом видит истекающую из него кровь и слышит стоны. В дереве заключена душа Пиетро делле Винье, секретаря Фридерика II. По просьбе Виргилия, он повествует о причине, побудившей его к самоубийству, просит защитить на земле честь свою от наветов зависти и дает сведение о состоянии душ в этом круге. Едва Винье кончил, как две нагие тени с ужасом пробегают мимо поэтов, гонимые черными псицами. Впереди бегущая тень Сиенца Лано призывает смерть; другая же, тень Падуанца Иакопо ди Сант'Андреа, в изнеможении укрывается за кустом; псы набегают, рвут

отлучен от церкви.

ее на части и разорванные члены растаскивают по лесу. При этом они разрывают и куст, который, обливаясь кровью, стонит и, на вопрос Вергилия, дает сведение о себе и родном своем городе — Флоренции.

1. Еще Кентавр не перешел пучины,
Как в дикий бор вступили мы одни,
Где ни единой не было тропины.

4. В нем, скорчившись, растут кривые пни;
В нем все темно, без зелени, без цвета;

В нем яда полн бесплодный терн в тени.²⁷³

7. В такую глушь, в такую дичь, как эта,
Не мчится вепрь с возделанных полей
В стране между Чечины и Корнета.²⁷⁴

10. Вьют Гарпии там гнезда из ветвей,
Прогнавшие с Строфад Энея криком,
Пророческим предвестником скорбей.

13. На крыльях длинных, с человеческим ликом,
С когтями на лапах, с чревом птиц, они
На страшных пнях кричат в смятенье
диком.²⁷⁵

²⁷³ Непроходимый дикий лес, здесь изображенный, с скорченными деревьями, не приносящими ничего, кроме ядовитого терна, уже вообще представляет картину того болезненного состояния, того дикого ожесточения, в котором теряется душа, наклонная к самоубийству. Копишь.

²⁷⁴ *Чечина*, река, впадающая в море на Ю. от Ливорно; *Корнето*, город в Папских Владениях. Страна между Чечиною и Корнето известна под именем *Мареммы*, — поморие, отличающееся нездоровым воздухом, обилием водящихся здесь кабанов и змей.

²⁷⁵ Наклонность к самоубийству возникает вследствие слишком мрачного, как бы извращенного представления

16. «Пока мы здесь,» сказал учитель мне:
«Узнай, мой сын, ты во второй долине,²⁷⁶
И будешь ты дотолѣ в сей стране,

19. Пока к ужасной не придеши пустыне;²⁷⁷
Смотри ж теперѣ: ты здесь увидиши то,
Что подтвердить слова мои отныне.^{278»}

22. Со всех сторон я слышал вой; но кто
Стонал и выл, не зрел я, и в смятенъе

будущего. Эти представления олицетворены здесь в образе Гарпий, смутивших Энея и его спутников страшным предзнаменованіем в то время, когда они пристали к Строфидам, островам на Ионическом море, и изгнавших их оттуда оскверненіем пищи. (Аен. III, 254–277).

²⁷⁶ Т. е. во втором отделе седьмого круга, где наказуются самоубійцы и расточители своих имений (Ада XI, ст. 40).

²⁷⁷ Ада XIV, 4.

²⁷⁸ Намек на Энеид. LI, 22 и д., где Эней повествует, как он, прибыв, по разрушеніи Трои, во Фракию, услышал голос Полидора, одного из Приамидов, превращенного в дерево, с котораго Эней сломил ветви для увенчания жертвенника. К этому же рассказу относятся и дальнѣйшіе слова Виргилия, ст. 46–49.

Я стал, от страха обращен в ничто.

25. Вождь, думаю, мог думать, что в
сомненье²⁷⁹

Подумал я: не скрылся ли в кусты
От нас народ, рыдавший в отдаленье;

28. И потому сказал он: «Если ты
Одну хоть ветку сломишь в роще темной,
То вмиг рассеются твои мечты.»

31. Вблизи от нас терновник рос огромный:
Я ветвь сломил с него; но он с тоской:
«За что ломаешь?» простонал мне томно,

34. И, потемнев от крови пролитой,
Вскричал опять: «Что множишь мне мученья?
Иль жалости не знаешь никакой?

37. Когда-то люди, ныне мы растенья;
Но будь мы души змей самих, и к ним
Иметь ты должен больше сожаленья.»

40. Как с одного конца горит, другим

²⁷⁹ В подлин.: Io credo, ch'ei credette, ch'io credesse — *scherzo*, которое старался удержать в переводе.

И пенится и стонит прут зеленый
И по ветру, треща, бросает дым:

43. Так здесь из ветви, издававшей стоны,
Струилась кровь и, бросив ветвь, я стал,
Как человек внезапно уstraшенный.

46. «Злосчастный дух!» мудрец мой отвечал:
«Когда б сперва поверил он преданью,
Которое в стихах я рассказал, —

49. Он до тебя не прикоснулся б дланью.
Я сам скорблю, что ваш чудесный плен
Подвиг меня к такому испытанью.

52. Скажи ж, кто ты; а он тебе в замен
Возобновит величье славы шаткой,
Пришедши в мир из мрака адских стен.» —

55. И терн: «Так сильно манишь речью
сладкой,
Что я молчать не в силах, и на миг —
О выслушай! — прильну к беседе краткой. 280

280 В подлин.: a ragionar m' invesci. *Invescarti* (от лат. *viscum*, *клей*, употребляемый для ловли птиц) собственно значит прилипать к ветвям, намазанным птичьим клеем, *se prendre au glu* (Vocab. Dantesco par L. G. Blanc). Душа

58. Я тот, кому от сердца Фридерик²⁸¹
Вручил ключи, чтоб отпирал по воле²⁸²

грешника, сознавая невинность свою в приписываемом ей преступлении, увлеченная надеждою, что память об ней опять с честью восстановится между людьми, охотно вступает в разговор, так сказать липнет к беседе, как птица, привлеченная приманкой, липнет к ветвям, намазанным клеем. Штрекфусс.

²⁸¹ Этот говорящий — Пиетро делле Винье, секретарь и любимец императора Фридерика II. Он родился в Капуе от бедных родителей, учился в Болоньи и, обладая красноречием, знанием юриспруденции и поэтическим талантом, скоро поступил в секретари к императору, которому много помогал в издании законов. От него остались один из первых и лучших сонитов и собрание писем. Вскоре он впал в немилость, был заключен в темницу и, по словам некоторых, ослеплен по повелению императора. В отчаянии он умертвил себя, бросившись из окна темницы в то время, когда император проходил мимо, или, как другие уверяют, раздробив себе голову о стену в церкви St. Andrea в Пизе. Причина немилости к нему императора неизвестна: одни говорят, что он открыл замыслы своего государя врагу его папе Иннокентию IV, другие, что он, по соглашению с тем же папою, хотел отравить его. Винье был очень богат, а потому не мудрено, что имел много завистников. Данте оправдывает его в приписанном ему преступлении, которое впрочем никогда не было доказано. Филалетес.

²⁸² Под именем ключей (в подлинн.: *ambo le chiavi*)

И запирал я дум его тайник,

61. Для всех других уж недоступный боле;²⁸³
Теряя сон и силы для трудов,
Я исполнял свой долг в завидной доле.

64. Развратница, что с кесарских дворцов²⁸⁴
Бесстыдных глаз во век не отвращала, —
Смерть общая и язва всех веков —

комментаторы разумеют способность возбуждать по произволу любовь и ненависть в одном и том же сердце.

²⁸³ Бенвенуто да Имола, в доказательство, как велико было доверие Фридерика к Винье, приводит следующее: в дворце в Неаполе находилась на стене картина, на которой император был представлен сидящим на трони; подле него на ступенях трона стоит Пьетро делле Винье; внизу народ умоляет государя о правосудии следующими словами:

Caesar amor legum Friederice piissime Begum
Gausarum telas nostrarum solve querelas;
на что Фридерик отвечает:
Pro vestra lite Censorem juris adite,
Hic nam jura dabit vel per me danda rogabit:
Vinea cognomen Petrus est sibi nomen.

²⁸⁴ Зависть.

67. Против меня сердца воспламеняла
И, Августу то пламя передав,
Свет радости в мрак скорби обращала.

70. Тогда мой дух, в отчаяние впав,
Мечтал, что смерть спасет от поношенья,
И, правый, стал перед собой неправ.²⁸⁵

73. Клянусь корнями юного растенья:²⁸⁶
Всегда хранил я верности обет
Монарху, столь достойному почтенья.²⁸⁷

76. Когда ж из вас один придет на свет,
Пусть честь мою спасет от поруганья

285 Эта украшенная речь, наполненная антитезами и другими риторическими фигурами, где имя Кесаря и Августа поставлено вместо императора, вполне соответствует характеру ловкого, классически (по тогдашнему) образованного придворного. Филалетес.

286 *К корнями юного* р., потому что Винье умер незадолго до рождения Данта и, следственно, недавно находится в аду.

287 Винье, высоко ценящий Фридрика за его действительные заслуги, не знает, что он как еретик казнится в шестом кругу ада, потому что тени грешников не могут знать настоящего (Ада X, 100–108). Ломбарди.

И отразит завистников навет.» —

79. Тут он замолк, и, полный сострадания,
Сказал мне вождь: «Минут теперь не трать
И спрашивай, коль есть в тебе желанья.»

82. Но я ему: «Сам спроси опять
О том, что знать полезным мне считаешь:
Душа скорбит; нет сил мне вопрошать!» —

85. «О бедный узник! если ты желаешь,
Чтоб просьб твоих не презрел человек, —
Благоволи нам объяснить, коль знаешь,

88. Как в эти пни» учитель мой изрек:
Вселились души? о скажи: в сем теле
Останутся ль они в плену на век?» —

91. Тогда вздохнул колючий терн тяжело,
И вздох потом сложился так в слова:
«Короток будет мой ответ отселе.

94. Как скоро дух все узы естества,
Свирепый, сам расторгнет: суд Миноса
Уж шлет его в жерло седьмого рва.

97. И дух, упав в дремучий лес с утеса,

Ложится там, куда повергнет рок,²⁸⁸
Где и пускает стебель как колос проса.

100. И стебель растет, искривлен и высок,
И Гарпии, кормясь его листьями,
Творят тоску и для тоски исток.²⁸⁹

103. Подобно всем, пойдем мы за телами,
Но в них не внимем: правый суд небес
Нам не отдаст, что отдаля мы сами.

106. Мы повлечем их за собою в лес:
У каждого из нас в бору угрюмом
Повиснет тело на ветвях древес.^{290»}

²⁸⁸ Намек на то, что самоубийцы все заслуживают одного наказания, что между ними нет различия в виновности, как между другими насильвателями, ибо у всех была одна цель — прекращение собственной жизни. Каннегиссер.

²⁸⁹ В подлин.: *Fanno dolore, ed al doior finestra*, т. е. причиняют боль, ибо эти листья составляют как бы плоть и члены грешников, и, нанося раны, дают заключенному духу путь выразить стонами и вздохами свою боль. Вентури.

²⁹⁰ В этих стихах обстоятельнее изображена казнь (внутреннее состояние души) самоубийц. «Когда душа, предавшись мрачным думам, утратит разум и, в отчаянии, насильственно отторгнется от тела: тогда в сознании своей

109. Вниманья полн, весь предан грустным думам,²⁹¹

недостойности носить человеческий образ, она как бы нисходит на низшую ступень в лестнице жизни; нарушая закон, коему инстинктивно повинуются все животные, закон самосохранения, она превращается в безобразно-скорченный, бесплодный терновник, на ветвях которого смутные представления будущего, подвигшие ее на преступление, гнездятся вечно в образе отвратительных Гарпий. Ей уже нет от них более защиты, и только бесполезными жалобами она проявляет свою жизненность. Если и возвратится ей когда-нибудь тело, то лишь за тем только, чтобы оно, повиснув на ее ветвях, вечно напоминало ей о ее преступлении. Обитать в теле она и сама считает себя недостойною.» Копишь.

²⁹¹ В числе насильников против самих себя казнятся и те, кои делали насилие своему имению (Ада XI, 43–44), безумные моты, особенно азартные игроки; их не должно смешивать с теми, которые расточили свое имение в удовольствиях (Ада VII). — «Как эти последние провели всю жизнь свою в бессмысленных стремлениях, так первых преследовали необузданные страсти, олицетворенные в аду в образе псиц (древние называли Гарпий псицами Зевса); в отчаянии призывают они смерть, но смерть не является: душа не умирает; с ужасом, ища спасения от вечно-преследующих забот и страстей, кидаются они на первого, им на пути встретившегося; но, вредя чрез то другим, тем скорее становятся жертвою своих собственных внутренних и внешних гонителей.» Штрекфусс.

Еще я ждал от терна новых слов,
Как вдруг я был испуган страшным шумом.

112. Так человек, пред кем из-за дерев
Несется вепрь, и в след за ним борзые,
Внимает треску сучьев, лаю псов.

115. И вот, налево, бледные, нагие,
Несутся двое с скоростью такой,
Что вокруг ломают сучья пней кривые.

118. Передний выл: «О смерть, за мной! за
мной!»

Меж тем другой, не столько быстроногий:
«О Лан,» вопил: «с потехи боевой,²⁹²

²⁹² Лано, Сиенец, один из членов знаменитого клуба гастрономов в Сиене, о котором упоминает Данте (Ада XXIX, 130), промотав все свое огромное имущество самым беспутным образом, отправился с войском Сиенцев в Аредзо на помощь флорентинцам. В сражении при Ниеве дель Топпо, где Сиенцы были разбиты, он, опасаясь угрожающей бедности и потому тяготясь жизнью, бросился в ряды неприятелей, где и погиб, несмотря на то, что мог бы спастись бегством. Поэтому другая тень упрекает его в том, что при Топпо он не был так скор, как теперь. В сражении он искал смерть и нашел, здесь он ищет ее и не находит.

121. При Топпо, так тебя не мчали ноги!²⁹³»
И, прибежав к кусту во весь опор,
Запахавшись, к нему припал в тревоге.

124. За ними вдруг наполнили весь бор
Станицы псиц голодных, черной масти,
Как стаи гончих, спущенных со свор.

127. Укрывшийся не избежал их пасти:
Псы, растерзав его в куски, в куски,²⁹⁴

²⁹³ *Сражении при Топпо.* В 1288 Гвельфы городов Тосканы сделали вторжение во владение гибеллинского г. Аредзо и, по обычаю, в день Иоанна Крестителя, праздновали турнир под стенами города. Но на возвратном пути Сиенцы, слишком рано отделившиеся от Флорентинцев, около местечка Ниеве или Пиеве дель Топпо, в Валь ди Киане, наткнулись на засаду Аретинцев и были разбиты на голову. Сражение это Данте называет боевою потехою (giostra). Giov. Villani. L. VII. c. 120.

²⁹⁴ *В куски в куски* (в подлинн.: a brano a brano). «Данте весьма часто употребляет оборот удвоения слова, который и теперь есть одна из характеристических черт живого языка Италии. Оборот сей употребляется для усиления выражения, иногда для показания последовательности. Он есть самый живой оборот и напоминает совершенно свежие обороты Илиады, взятые также из уст народа. Он находится и в вашем народном языке.» Шевырев.

Размыкали трепещущие части.

130. Тут вождь подвел меня за кисть руки
К тому кусту, который, кровью рдея,
Вотще стонал от боли и тоски

133. И говорил: «О Якоп Сант' Андреа!²⁹⁵
Зачем ты скрылся за кустом моим?
За что терплю я за грехи злодея?»

136. Тогда мой вождь, остановясь пред ним,
Спросил: «Кто ты, струящий кровь с слезами
Из стольких ран, злой горестью крушим?»

139. А он: «О души, вам же небесами
Дано увидеть страшный стыд того,
Чьи ветви так растерзаны пред вами,

142. Сберите их вкруг терна моего!
Я в граде жил, сменившем так коварно

²⁹⁵ Иакопо, падуанский дворянин, из фамилии Сант' Андреа, знаменитый мот своего времени. Как пример его безумной расточительности, рассказывают, что однажды, гуляя по р. Бренте, он забавлялся тем, что под звук музыки бросал множество золотых монит в реку; в другой раз он зажег свою виллу для того, чтоб показать гостям своим великолепное зрелище пожара. Бенвенуто да Имола.

Старинного патрона своего.

145. За то он губит град неблагодарный
Своим искусством, и когда бы снят
Был истукан его с моста чрез Арно,

148. То граждане, средь пепла и громад,
Оставленных Аттилой при разгроме,
Вотще б трудились, воздвигая град.²⁹⁶

151. Повесился там в собственном я
доме!²⁹⁷»

Песнь XIV

Содержание. При имени Флоренции, Данте,

²⁹⁶ Здесь разумеется Флоренция.

²⁹⁷ Неизвестно, кто этот говорящий самоубийца. Одни называют его Рукко де' Модзи, другие Лотто дельи Альби. Последний был флорентинец, который, промотав свое богатство, для получения денег произнес неправильный приговор судебный и потом в отчаянии повесился в собственном доме.

растроганный любовью к отечеству, подбирает разбросанные листья флорентинца и складывает их вокруг его куста. За тем поэты приходят к границе, отделяющей второй отдел седьмого круга от третьего, где казнится насилие против Бога. Пред глазами Данта открывается необозримая и бесплодная степь, горячие пески которой вечно раскаляются огнем, падающим на них длинными полосами. Грешники образуют из себя три стада: одни лежат навзничь: кто богохульники; другие сидят, скорчившись: кто ростовщики; третья, самая большая толпа содомитов находится в вечном бегстве. — Потом, все более и более удаляясь от леса и миновав первую толпу богохульников, поэты приходят к клокочущему потоку Флегетону, на который Вергилий обращает особенное внимание Данта и при этом случае объясняет ему происхождение адских рек. Все воды адских рек происходят от слез статуи Времени, в образе старца стоящей на г. Иде и литой из золота, серебра, меди, железа и глины. За исключением головы, литой из золота, все части ее тела прорезаны морщинами от слез, которые, сливаясь в ад, образуют Стикс, Ахерон, Флегетон и Коцит. Данте спрашивает о Лете и узнает, что река забвения помещена в чистилище. — За тем путники пересекают песчаную степь, идя мощеным берегом Флегетона, над которым гаснет огонь.

1. К отечеству подвигнутый любовью,
Я, подобрав листы, их возвратил
Тому, который смолк, облитый кровью. —

4. Тут мы пришли туда, где смежен был
С вторым отделом третий круг, где строже²⁹⁸
Гнев праведный свой ужас проявил.

7. Чтоб возвестить Твои пути, о Боже!
Скажу, что в степь пришли мы накониц, —
Бесплодное пустынь песчаных ложе.

10. Ту степь обвил лес скорби как венец,
Как и его объемлет ров жестокий:²⁹⁹
Здесь, на меже, со мною стал певец.

13. Песок сухой, горячий и глубокий
Лежал в степи, подобный тем пескам,
По коим шел Катон в поход далекий.³⁰⁰

²⁹⁸ Второй отдел седьмого круга, где казнятся насильватели самих себя (Ада XI, 40 и д.); в третьем отделе, в который теперь вступают поэты, казнится насилие против Бога (Ада XI. 46–51).

²⁹⁹ Лес самоубийц (Ада XIII, 2 и д.); ров жестокий — кровавая река, в которую погружены насильватели ближних (Ада XII, 46 и д.). Здесь, как и во многих других местах, поэт делает наглядным воронкообразное устройство ада с его кругами, суживающимися все более и более ко дну бездны (Ада IV. 7 и примеч.).

16. О гнев Господень, как ты грозен там!
Так пусть же каждый с ужасом читает
О том, что мне представилось очам!

19. Там взор стада нагих теней встречает:
Все горько плачут в бешеной тоске;
Но, мнится, суд неравный их карает.

22. Одни лежат там навзничь на песке,³⁰¹
Сидят другие, корчась, в страшном поле,
А третьи вечно мчатся вдалеке.

25. Теней, блуждающих кругом, всех боле;
Лежащих же под мукой меньше всех,
За то сильней скорбят о лютой доле.

28. Дождь огненный, карая гнусный грех,

³⁰⁰ Т. е. подобный пескам степи ливийской, по которой Катон Младший провел остаток римских войск, по смерти Помпея, для соединения с войском Юбы, царя нумидийского. Lucan. Pharsal. XI.

³⁰¹ Богохулителю лежат; ростовщики сидят, скорчившись (Ада XVII, 35–78); содомиты вечно мчатся (Ада XV, 16 до XVI, 89). Последних всех более — намек на чрезвычайное распространение этого порока в Италии во времена Данта.

³⁰² О значении огня в Дантовой поэме мы говорили выше (Ада VIII 73 и IX, 127. примеч.). Здесь еще менее показано значение этой стихии. — «Огонь божественной любви и истины, этот источник вечного блаженства праведных, этот путь очищения для кающихся, даже для доблестных героев в Лимбе разливающий яркий свет, огонь этот, как мы видели, уже для отрицателей бессмертия (Ада IX, 127 и примеч.) составлял орудие вечной муки. Но для еретиков он еще не проявляется в виде огня: он раскаляет только их могилы, эти символы вечной смерти, которую они учили. Только здесь, в сознании душ, согрешивших непосредственно перед Богом, только здесь, в обители насилия против Бога, божественный огонь становится прямым орудием казни. Но и здесь нисходить он не в виде света, но отдельными, жгучими клоками, потому что полное божественное познание недоступно грешникам: только отдельные искры божественного огня любви и истины долетают до них; только отдельные мысли о Боге доступны им, но и те нисходят к ним как муки, не светят, но только сжигают их. Согрешив непосредственно перед Господом или богохулением, или противоестественным осквернением любви, или осквернением искусства — лихоимством, они разделились на три стада, из которых каждое испытует свою меру казни. Богохулители, пораженные как бы громом, лежат на бесплодной песчаной степи; в дерзком бессилии, они и теперь еще вызывают на спор небо, и эта несмеримая гордыня сильнее, чем проявление любви божественной в пламени, карает их безумство — мысль глубокая, олицетворенная в Капанее! — второе стадо, осквернившее любовь, вечно бежит с ужасом от чистого ее пламени, прожигающего вечным клеймом позора чело оскверненных; тогда как для

Как падает в затишье в Альпах снег.

31. Как в Индии, под знойными лучами,
Зрел Александр над сонмами дружин
Огонь, сходявший до земли волнами;

34 Тогда войскам велел он средь равнин
Топтать песок затем, чтоб пламень ярый
Скорее гас, пока горел один.³⁰³

37. Так вечные нисходят там пожары,
Чтоб зажигать, как под огнивом трут,
Пески степей для удвоенья кары.

обратившихся с любовью к Богу (Чист. XXVII, 93–57), для блаженной Беатриче (Ада II, 93), для самого язычника Виргилия, это пламя не губительно. Наконiec, третье стадо — ростовщики — так сказать свертываются сами в себя, еще доселе крепко сжимают пустые мешки золота и тщетно стараются удалить от себя мысли о благодати Божьей, против которой согрешили, — эти клоки пламени, которые, падая на них беспрестанно, сжигают их.» Копишь.

³⁰³ *Пока горел один*, т. е. пока отдельные волны пламени не слились вместе. Неизвестно, откуда заимствовал Данте это сказание об Александре Великом; может быть, он почерпнул его из подложного письма Александра к Аристотелю; в этом письме, между прочими удивительными рассказами об Индии, говорится и об огненном дожде.

40. Без отдыха, как в пляске (тщетный труд!)³⁰⁴

С себя стряся пламень вечно-новый,
Вкруг мечутся их руки, там и тут.

43. «О вождь!» я рек: «о ты, на все готовый
И все смиливший, кроме адских орд,
Представших нам у врат толпой суровой,³⁰⁵

46. Кто сей гигант, который столько горд,
Что, кажется, к нему и не касался
Дождь огненный, под коим он простерт?»

49. Но грешник сам, как скоро догадался,
Что я об нем расспрашивал певца,

³⁰⁴ В подлин.: *Sanza riposo mai era la tresca Delle misere mani*. *Tresca* - особого рода танец, бывший в моде во времена Дантовы в Неаполе и состоявший в том, что пляшущие становились друг против друга, при чем один из них, которому все должны были подражать, подымать то ту, то другую, то обе руки вместе, откидывал их то туда, то сюда и вертелся то в ту, то в другую сторону: стало быть, отмахивание рук грешников сравнено с этим танцем чрезвычайно метко. Бенвенуто да Пмола.

³⁰⁵ Т. е. у врат огненного города (Ада VII, 115 и д.)